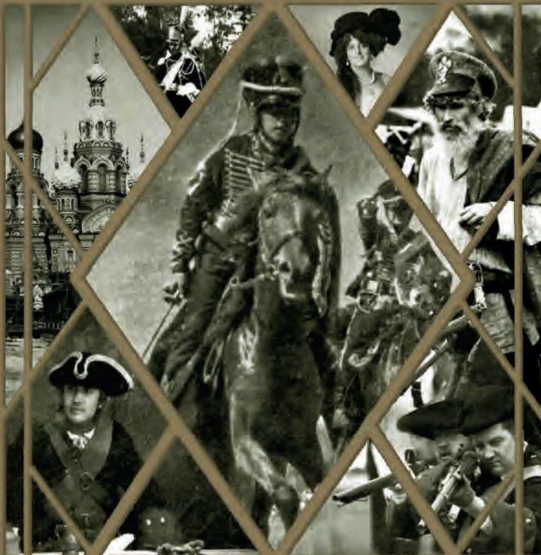

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

ВИКТОРИЯ ДЬЯКОВА

ФАРФОРОВЫЙ БЕС

Виктория Борисовна Дьякова
Фарфоровый бес
Серия «Клуб классического детектива»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48746140

*Фарфоровый бес:
ISBN 978-5-907220-04-1*

Аннотация

В новом авантюрно-детективном романе В. Дьяковой действие происходит в 1806 году в Санкт-Петербурге. Незвестными лицами похищен гвардейский офицер Валерьян Зубов. Валериана похитили, чтобы узнать, где скрывается его старший брат, последний фаворит императрицы Платон Зубов. За любовь к роскоши и богатству, а также бледный цвет лица он получил прозвище «Фарфоровый бес». И единственный, кто может остановить преступников и распутать клубок интриг, – поручик Денис Олтуфьев.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	37
Глава 3	67
Глава 4	101
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Виктория Дьякова

Фарфоровый бес

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019

© Дьякова В., 2019

*Еще Москва полна стихами, которыми я Лизу
прославлял...*

Денис Давыдов

Глава 1

Тайное свидание

– Господа, вы слышали, какой конфуз нынче вышел? – звонко воскликнул Бурцев. – Оказывается, наши союзники пруссаки настолько перепугались Бонапарта, что решили поскорее заключить с ним мирный договор, тайно от нас, конечно же. Пусть, мол, русские сами с французами лбы расшибут, а мы, как и наши дружки австрияки, со стороны поглядим. Их трусоватый король Фридрих-Вильгельм так перепугался Аустерлица, что, говорят, даже залез под собственный трон во дворце Сан-Суси, чтобы его не сразу нашли, если вдруг ненароком французы в Берлин нагрянут, – Бурцев хохотнул. – Каково, а? А бывало, сто лет назад-то, пруссаки удержу не знали, дай только повоевать! Теперь засели в норке и носа не кажут!

– Как же это они умудрились сговориться с Наполеоном поперед нас? – спросил Денис. Он пустил Митьку аллюром.

Потряхивая гривой, жеребец красиво шел по кругу ма-нежа, выбрасывая крест-накрест мускулистые ноги. Когда Митька шел передом, кости ног ниже колен у него казались необыкновенно тонкими, зато когда жеребец поворачивался, они поражали широтой и устойчивостью. Резко выступающие мышцы из-под сетки жил, растянутой в тонкой, по-

движной и гладкой как атлас коже, казались столь же крепкими, как и кости. Было заметно, как кровь пульсировала в жилах при каждом усилии, совершаемом лошадью.

— ...Никак поджидали где за кустами, пока мы от Аустерлица отступали?

— Можно и так сказать, — подтвердил Бурцев по-прежнему весело. — Главное, как выяснилось, иметь сообразительного посланца, у которого к тому же и ноги как у зайца, быстро бегать умеет. Насколько мне известно, отличился некто Гаугвиц. Прусский король послал его с поздравлениями к нашему императору, он же был уверен, что Бонапарт будет разбит при Аустерлице, а оказалось, когда этот Гаугвиц наконец-то добрался до поля сражения, что нас там и след простыл, а в округе хозяйничают французы. Пока он хлопал глазами, кавалеристы Мюрата схватили этого посланца, и будьте любезны... пред светлые очи императора приволокли. Но Гаугвиц не растерялся. Шкура-то дорога, надо выкручиваться. Так он, как рассказывают, поздравление своего короля русскому императору съел, просто комком проглотил и даже не поперхнулся, и тут же сочинил новое поздравление — для Бонапарта. Ну, а Наполеон, чтоб не терять время даром, быстро составил для этого Гаугвица письмецо к его монарху. Вот тут и закрутилось все, за нашей спиной. Началась, брат, большая дипломатия, — Бурцев легонько хлопнул Дениса по плечу.

— Ну и что? — поинтересовался Денис, не отрывая взгляда

от Митьки. — Как раскрылось-то все? Не договорились они?

— Договориться-то, договорились, — ответил Бурцев. — Бонапарт даже договор подписал со своей стороны. Но пруссаки оформить предательство письменно не успели. Наш посол в Берлине князь Хворостовский прознал об их интригах и обо всем донес государю. Его величество вполне оправданно возмутился. Так теперь прусский король уверяет его, что якобы ничего такого они и в голове не держали, Бонапарта ненавидят пуще прежнего, а во всем виноват канцлер. Его, кажется, фон Тренк кличут. В общем, грозят сослать его с глаз долой, но сошлют ли — неизвестно. Князь Долгоруков по велению государя нынче выехал к ним. Он поглядит там на месте, что к чему. Правда, Долгорукову веры с гулькин нос, — Бурцев безнадежно махнул рукой, — он уже однажды ездил к Бонапарту перед Аустерлицем. Видит не то, что есть, а то, что желал бы видеть. Хуже всего то, что пруссаки теперь разозлили Бонапарта дальше некуда. Он просто рассвирепел. Он ведь не привык, чтоб его водили за нос, как мальчишку. Короче, не сегодня-завтра двинет пару корпусов на Берлин, вот тогда снова начнется заваруха!

— Удивляюсь тебе, Бурцев, — Денис обернулся к товарищу. — И где ты только узнаешь обо всем?

— Из самых надежных источников, — заверил его Бурцев. — Вчера, пока ты тратил впустую время на именинах у знакомой своей матушки, мы с Каховским посетили Марию Антоновну. У нее присутствовал Чарторыйский. Вот он и рас-

сказал все подробности прусского дела. Кому же еще знать о них, как не министру иностранных дел. К тому же он обмолвился, что государь поручил ему вступить в переговоры с французским торговым консулом в Петербурге месье Леппесом. Там что-то касается наших кораблей, которые были задержаны осенью во французских портах. Вопрос, конечно, частный. Но знаешь, что это может означать? – Бурцев сделал многозначительную паузу.

– И что? – Денис равнодушно пожал плечами.

– То, что мы оплатим пруссакам той же монетой, что и они нам. Заключим с французами договор раньше ихнего, вот пускай тогда попрыгают!

– На месте нашего государя я бы не Чарторыйского, а тебя назначил министром иностранных дел, а заодно и командующим армией, – усмехнулся Олтуфьев.

– Представь, что я бы отказался, – парировал Бурцев, – уж больно головоломки много, и никакого удовольствия. Вот если бы вместо Бонапарта переговоры вела его супруга, я бы согласился, – он присвистнул. – Говорят, мадам Жозефина очень даже хороша собой. Или хотя бы наша общая знакомая мадам Бигготини. А так – скукотища, брат Денис, – Бурцев вздохнул с легкой печалью и потянулся. – Вот препирайся с ними, кому Ганновер, кому Тильзит. – Вдруг он оживился: – Во, смотри, кто к нам идет! Левушка, он знает куда как больше моего!

Денис остановил Митьку и, похлопав его одобрительно по

лоснящемуся крупу, обернулся. Вдоль манежа, придерживая шинель, к ним направлялся Каховский.

– Денис, тут одна смазливая девица сунула мне записку и просила тебе передать, – сообщил он, доставая из перчатки смятый комок бумаги.

– Как вы обращаетесь с дамскими письмами, Лев, – показательно возмутился Бурцев и, прищулив глаза, отметил: – Аромат тонкий, с ноткой жасмина и, возможно, сирени. От мадам Жюли, готов поспорить!

– Ох, сдалось же мне с тобой спорить, – кисло поморщился на него Левушка. – От Жюли так от Жюли, какая разница. Записку мне передала горничная. Барыня же ожидает в экипаже напротив манежа. Очень просила тебя поторопиться.

– Как любопытно, – протянул Бурцев, подкручивая ус, – и что же она пишет?

– Я так полагаю, что тебя это не касается, – Денис отвернулся от него, – и от чего ты, Лев, – спросил он у Каховского, разворачивая письмо, – не присутствовал вчера на именинах у Акулины Игнатьевны Хвостовой, позволь тебя спросить? Я наслушался за тебя от матушки.

– Меня удивляет не то, что я не присутствовал, а то, как ты там оказался, – воскликнул возмущенно Каховский. – Мы ожидали тебя у Марьи Антоновны на Фонтанке!

– Увы, увy, вчера мне выпал черный билет, – вздохнул Олтуфьев, – бабушка попросила меня заехать на Адмиралтейский, чтобы привезти ей кое-что из гардероба, а я имел

неосторожность нагрязнать туда перед обедом. Вот все семейство и вцепилось в меня, мол, они собираются к Хвостовым, а у Сашеньки с Наташей нет кавалера. Я отказался ехать наотрез. Так не то что сестрица с подружкой, матушка самостоятельно ударилась в слезы, папенька выступил с нравоучением. Так что пришлось уступить и битых три часа умирать от тоски среди девиц и старух. Вот такая вышла неудача, – он пробежал глазами строчки в письме. Их всего было шесть, написаны по-французски робкой, дрожащей рукой:

Вы вправе осудить меня за дерзость, но после мазурки у Энгельгартов, с которой вы так поспешно удалились, вы больше не навещали нас. Молю о встрече. Жду с нетерпением.

Пощадите.

А.

Денис растерялся. Очевидно, что письмо было написано Алисой, если судить из рассказа Каховского, именно она ожидала его в экипаже недалеко от манежа.

– Да уж неудача так неудача, – продолжал Бурцев, но, без сомнения, сгорал от любопытства. Он все время привставал на носки, пока Денис читал письмо. – Молодцом только Елизавета Михайловна. Она обходится с твоими родственниками посерьезнее, чем ты. Взяла и переехала к князю Орлову. И что там говорят в обществе – ей все равно!

– Елизавета Михайловна может позволить себе по возрасту, – возразил Каховский и, поправив очки, спросил: – Ну,

что там написано, Денис? Ты нам не расскажешь?

– Не расскажу, – строго ответил Денис и, передав Митьку Бурцеву, попросил: – Подождите меня, я вернусь скоро!

– Могу сказать только одно, это не девица Фелис – точно, – заметил Бурцев со значением. – Она бы уж не стала торчать около манежа, а нашла бы местечко поуютнее.

– Лешка, я был бы признателен тебе, если бы свои рассуждения ты держал при себе, – предупредил его Денис и, накинув шинель, направился к выходу.

Шел мелкий, мокрый снег. С Невы дул пронзительный ветер.

Приподняв меховой воротник, Денис спустился по ступеням. Его почти сразу окрикнули.

– Месье Олтуфьев? – шлепая чеботами по раскисшей снежной массе, к кавалергарду подошла молодая женщина в длинном бараньем салопе навыворот, подвязанном ярко-красным кушаком. Голову ее покрывал черный цветастый платок. Лицо женщины, скрытое до самых бровей, покраснело от ветра, на нем бурыми вмятинами проступили оспины. Заметив, что на ее вопрос кавалергард ответил утвердительным кивком, она радостно улыбнулась и поспешно продолжила:

– Я – Марфа, горничная мадемуазель Алисы. Мадемуазель ожидает вас рядышком, – девица махнула рукой, показывая за угол, и подбитая мехом рукавица сорвалась с ее руки, шелкнув резинкой. – Идемте, идемте скорее, – схватив

Дениса за рукав шинели, она потащила его за собой, в Конногвардейский проезд.

Карету Алисы, запряженную парой серых лошадей, он увидел сразу. Она стояла на обочине, на козлах дремал, завалившись на один бок, кучер.

– Мадемуазель очень волновались, что не сыщут вас тут, – тараторила Денису горничная. – Вы же знаете, с какой сложностью доводится молодой особе вырваться из дома. Цельную неделю случая поджидали, когда Анна Александровна уедут с визитами, а они все откладывали и откладывали. Вот сегодня отъехали после завтрака, так мадемуазель сразу же к вам засобиралась. Вы залазьте, залазьте внутрь, – девица распахнула перед Денисом дверцу кареты. Она еще что-то рассказывала со сбивчивостью, но молодой человек уже не слушал ее. Все его внимание сосредоточилось на Алисе.

Мадемуазель сидела в глубине кареты, закутавшись в белый мех шубки. Тонкие руки в белых кожаных перчатках прижимали к лицу края светло-лазоревой шали, поддерживавшей капюшон. Из-за пышных кистей лица Алисы было совсем не видно, только сквозь пальцы просвечивали испуганные, округленные глаза, словно она сама больше всего прочего, больше него, пугалась собственной дерзости и решительности.

– Мадемуазель де Лицин, мое почтение, – несмотря на охватившее его волнение, Денис довольно официально при-

ветствовал девушку, слегка кивнув.

Она не ответила ему.

– Садитесь же, садитесь, – настаивала служанка.

– Вы позволите, мадемуазель? – осведомился Денис с прежней сухостью.

– Прошу вас, – откликнулась Алиса едва слышно.

Денис сел в карету, Марфа захлопнула за ним дверцу. Теперь он остался с Алисой наедине. Мадемуазель молчала, все так же прижимая пальцы к лицу. Смирив волнение, Денис начал разговор первым.

– Я получил вашу записку, мадемуазель, – проговорил он как можно мягче. – Вы просили меня прийти. Я пришел.

– Где мое письмо? – ответ Алисы прозвучал немного резко, словно распрямилась плотно сжатая пружина. – Пожалуйста, отдайте мне его.

– Конечно, возьмите, вот оно, – Денис протянул девушке аккуратно сложенный лист бумаги, – не нужно так беспокоиться, поверьте, – он истолковал резкость девушки по-своему. – Я никому не обмолвился даже, от кого это письмо. Так что вам не стоит опасаться компрометации. – Она быстро выхватила из его рук бумагу и спрятала ее в рукав шубки.

– Вы даже не можете вообразить себе, как я рискую, – проговорила она дрогнувшим голосом и обратила к Денису бледное, красивое лицо, на котором сверкнули слезами ее ярко-голубые, небесные глаза. Стараясь не выдать своей слабости, она тут же опустила взор, обмахнув краешком шали

повлажневшие ресницы. — Анна Александровна намеренно строго следит за мной, не позволяя никакой вольности. Она разгневается, если узнает, что я покинула дом в ее отсутствие, не получив от нее разрешения. Тем более, если ей станет известно, что я направилась сюда, в конногвардейский манеж, где одни мужчины...

— Успокойтесь, мадемуазель, — Денис осторожно взял руку девушки в свою. — Я повторяю, вам не нужно опасаться компрометации. От кого Анна Александровна узнает о вашем отсутствии? Если только Марфа ей расскажет. Вы верите своей горничной?

— Мне не остается ничего другого, — грустно вздохнула Алиса. Она постепенно совладала с собственной робостью и волнением. Теперь она могла слегка распрямиться и смотрела на Дениса ясно и светло. Она едва заметно улыбалась. Ее взгляд выражал восхищение, поклонение, восторг.

— Мне даже не верится, что я вижу вас, — прошептала она, и бледные щеки ее зарделись розовым румянцем. — Я понимаю, что девушке непристойно признаваться в этом, но я тосковала из-за вашего отсутствия. Я считала часы, дни. Но вы больше не появлялись у нас. Скажите, Денис Васильевич, почему? Вам неприятно было видаться со мной?

— Что вы, мадемуазель, напротив, — голубые глаза Алисы пристально смотрели на молодого человека, вопрошая, и теперь пришла очередь смущаться ему: — Я горячо желал увидеть вас, но дела службы удерживали меня. Поверьте, я был

бы рад бывать у вас каждый вечер, — он говорил неправду, чтобы не расстраивать ее, и ощущал всю подлую фальшивость своей речи. Но Алиса верила ему с радостью. Она желала услышать, что вовсе не от равнодушия к ней, не от того, что она ему неинтересна, он позабыл о ее существовании. Теперь уж он старался не смотреть ей в лицо и отводил взгляд.

— Я так и думала, — восторженно воскликнула мадемуазель де Лицин. — Князь Петр Иванович не раз описывал мне, сколько разнообразных занятий случается у офицеров в полку. Я верила, что причина ваша только в этом. Знаете, — она снова понизила голос, — я десяток раз, никак не меньше, танцевала во сне заново ту мазурку у Энгельгартов. Я воображала себе, что если бы вас не отозвали в полк, вы бы наверняка отправились после бала к нам на Миллионную, мы бы пили чай и разговаривали, разговаривали... — Алиса мечтательно вскинула глаза и засмеялась светло, радостно, точно колокольчик прозвенел. — Ах, сколько отчаяния, сколько безнадежности пронеслось в моих мыслях, если бы вы только знали! — она с горячностью сжала его руку и приблизила порозовевшее, улыбающееся лицо.

Стараясь воспрепятствовать ее порыву, который мог привести к весьма нежелательным для него осложнениям, Денис напомнил ей:

— Вы уверены, мадемуазель, что вам не пора еще возвращаться домой? Когда обещалась быть назад княгиня Анна

Александровна?

– Домой? – переспросила Алиса и сразу как-то потухла, сникла. Она отстранилась от Дениса, прислонившись спиной к стенке кареты. Ее пухлые, совсем еще детские губки обиженно подрагивали: – Да, верно, уж пора, – неохотно согласилась она. – Я вижу, что вы не так уж рады видеть меня? – спросила она как бы между прочим и отвернулась к стеклу, словно ответ совершенно не беспокоил ее. – Я зря торопилась, выдумывала себе встречу...

– Что вы, мадемуазель, я только беспокоюсь о том, чтобы вы не повредили свою репутацию, – ответил Денис, понимая, что она чувствует его натянутость. – Позвольте мне удалиться нынче, а в самом скором будущем я навещу князя Багратиона, и мы обязательно увидимся.

– Вы должны знать, – Алиса порывисто повернулась к нему, – что с тех пор, как вы спасли меня, для меня ничего не существует кроме вас. Мне безразличны все увеселения, разговоры. Мне скучно петь, я не могу петь, – она выпучила глаза, словно желая подчеркнуть весь ужас ситуации. – Меня больше не увлекает музыка. Я думаю только о вас, все мои чувства устремлены только к вам. Вы – мой герой, вы – мой кумир, о, боже! Что я говорю, – она осеклась и в страхе закрыла лицо руками. – Я не должна этого говорить. Простите меня, простите...

Ее тонкие, хрупкие плечики под пышным мехом шубы вздрогнули. Она всхлипнула.

Денис смотрел на нее, сидя неподвижно. Его сердце сжимало сочувствие и даже жалость к этому нежному, юному существу, проникнувшемуся к нему столь теплым чувством. Он боялся даже шевельнуться, чтобы неверным жестом не доставить ей еще большее огорчение или, напротив, неоправданную иллюзию, которая рано или поздно обернется печалью.

Увы, кроме жалости, не высокомерной и оскорбительной, а искренней и даже душевной, он больше ничего не чувствовал к Алисе. Он отчетливо понимал, что юная особа просила у него вовсе не утешения, она ждала от него ответных восторженных чувств, столь же горячих и захватывающих, которые пробудились в ней самой. Но его сердце оставалось безучастно и к ее красоте, и к ее страданию, и к ее мольбе о взаимности. Только чувство долга и уважения к князю Багратиону заставляло его вести себя с Алисой не просто деликатно, как с любой иной дамой, а с крайней почтительностью. Именно это его отношение она и приняла за влюбленность, и ее всколыхнувшееся юное сердечко откликнулось ему. Но он не мог дать ей чувства, которого она так жаждала.

Прекрасно осознавая все обстоятельства, Денис намеренно удерживал себя даже от сочувствия, понимая, что малейшее дуновение нежности с его стороны произведет на впечатлительную девушку такое воздействие, которое только усугубит их положение.

— Простите, мадемуазель, мне надо вернуться в манеж, —

произнес он с той же сухостью, с которой и начал разговор. – Я благодарю вас за то, что оказали мне честь свиданием.

Услышав его слова, а еще скорее тон, которым они были произнесены, Алиса вздрогнула и умолкла, ее всхлипы стихли. Она не протянула ему руки для прощального поцелуя, не повернула головы, не обратила даже взгляда. Она снова закуталась в широкий капюшон шубы, и он видел только кончики лазоревой шали, колыхавшиеся от ее дыхания.

Отдавая себе отчет, что все сказано и больше ничего не остается, как уйти, Денис коротко кивнул головой, и вылез из кареты.

В лицо ему дохнул ледяной порыв ветра и посыпался мелкий снег. Марфушка, караулившая экипаж снаружи, притоптывала между двух сбитых проезжающими каретами сугробов.

– Что, месье, никак закончили? – спросила она нетерпеливо, пристукнув рукавицами. – Ехать бы пора. Барыня вернутся раньше нашего, вот уж выволочку устроят...

– Да уж езжайте поскорее, – ответил Денис с грустной улыбкой. – И проследи, чтобы мадемуазель не простудилась. Погода сегодня уж больно сырая.

– Прослежу, месье, не сумлевайтесь, – бодро откликнулась Марфушка. – Натру водочкой, заверну в одеялко верблюжье. Ничего с ней не станется. Эй, трогай, – она толкнула посапывавшего кучера и залезла в карету. Остановившись в нескольких шагах, Денис видел, как Марфушка елозила пе-

ред оконцем экипажа, то приподнимая занавеску, то опуская ее. Но Алиса не выглянула ни разу.

Громко прокашлявшись, кучер тронул застоявшихся лошадей. Довольно резко дернувшись с места, они повернули карету и покатали ее мимо манежа на Малую Морскую улицу.

Поправив треуголку, Денис медленно пошел по Конно-гвардейскому проезду. Он не торопился вернуться к ожидавшим его внутри манежа товарищам. Отчаянный порыв Алисы, ее готовность пренебречь условностями, готовность даже пожертвовать собой ради одной только встречи не оставили его равнодушным. В какое-то мгновение он испытал в себе неожиданную тягу к ней, даже желание единства душевного и телесного.

Он почти готов был согласиться с бабушкой. Ведь если не Анна, забывшая, оттолкнувшая его чувства, то почему не Алиса, кто, если не Алиса? Кто может быть лучше? Кто станет любить его больше, сильнее, нежнее, преданнее?

Как всякий, кто испытал разочарование и отказ возлюбленной, он теперь больше стремился не к тому, чтобы любить сам, а к тому, чтобы его любили. Он желал, чтобы любовь Алисы утешила его. Он вовсе не заботился о том, сможет ли сам возратить ей хотя бы немного радости или безжалостно разобьет сердце, подаренное ему столь бескорыстно. Ведь грубо, жестоко говорить о любви, не любя, клясться в верности, вовсе не намереваясь соблюдать ее, убеждать

в пылкости своей страсти, оставаясь холодным и рассудочным. Все это вполне могло бы оказаться сносным для мадемуазель Фелис, испытавшей в жизни немало радостей и разочарований, изведавшей любовь французских генералов, испанских тореадоров, русских придворных франтов. Но для Алисы, этого наивного, чистого, доверчивого и почти неземного создания подобный обман мог оказаться сокрушительным. Имеет ли он право разрушать ее жизнь только по той причине, что его собственную наивность и доверчивость однажды отбросили как ненужную вещицу, а он, подобрав их, затоптанные в грязи, вовсе не торопился снова натягивать на себя.

Он хорошо помнил, как больно узнать, что цена клятвам – грош, а чувствам – полгроша. И только одна встреча, одна ночь, только сверкание золота на синем маршальском мундире и немного романтических рассказов о шествии легионов при Монтебелло могут перечеркнуть всю жизнь, и все, что было высоким, вдруг становится оглушительно низким, отвратительным и тошнотворным. И все-таки предательски в глубине души теплилась надежда, что она скоро приедет, и все изменится, все вернется к прежнему, ведь он знал теперь наверняка, что Анна вот-вот вернется в Петербург.

Когда он вошел в манеж, Митьку уже увели с арены. Он стоял поодаль, привязанный конюхом, и с нетерпением перебирал ногами на соломе. Денис издалека увидел сухую го-

лову любимого дружка с выпуклыми блестящими, веселыми глазами и влажными, подрагивающими ноздрями. Как только Митька заметил хозяина, он глубоко втянул воздух, и мускулы под его блестящей кожей взволнованно задвигались.

– Потерял меня? Здесь я, здесь, – подойдя к коню, Денис погладил его крепкую шею, поправил спутанные на загривке пряди гривы и прижался лбом к тонкому, теплomu лошадиному носу, чувствуя горячее Митькино дыхание. Ему вдруг вспомнилось детство в Карголе и волнения по поводу отъезда отца в Петербург, где его ожидал суд за растрату полковой казны и неизбежная ссылка. Вспомнились долгие разговоры с бабушкой об Анне, заочная, безоблачная влюбленность в Анну, без всякой надежды на взаимность и даже не встречу. И маленький орловский жеребенок Митька, неразлучный спутник всей его жизни, боевой товарищ.

– Мы с тобой вдвоем, – проговорил Денис, ласково поглаживая бархатистую морду лошади. – Мы с тобой всегда вдвоем. В бою, на параде, дома. Ты и я. Кто еще нам нужен?

– А вот и мы, – услышал он за спиной голос неунывающего Бурцева. – Свидание окончилось? Или еще только... только предстоит – осведомился он шутливо. – А мы со Львом уже посетили клуб и даже пропустили по стаканчику перцовки. В такую погоду в самый раз. А мадмуазель «инконю», – он переделал расхожее французское словечко на русский лад, – не замерзла? Надеюсь, ты ей не дал замерзнуть? Почему она так быстро уехала? Признаться, Лев, я крайне удивлен, – он

обратился к Каховскому. — Я полагал, что мы уже сегодня не увидим месье Дениса. Он умчится в карете с незнакомкой, а нам останется только опекать его жеребца и пускать от зависти слюнки.

— Мадемуазель уехала, — ответил Денис громко, стараясь поддержать веселость товарищей. — К тому же это была вовсе не мадемуазель, а весьма почтенная мадам, — он решил утаить визит Алисы и даже не дать сообразительным друзьям повода для догадок. — Дальняя родственница княгини Анны Александровны по ее супругу... Она привезла мне письмо княгини с благодарностью за участие в бале подростков у Энгельгарта.

— И скомкала это письмо так, как будто прожевала его, — закончил за него Бурцев с нескрываемой иронией. — Ты не крути, Олтуфьев, не хочешь говорить, так и не надо, — он скептически пожал плечами, — подумаешь, какой секрет выискал! А уж с фантазией своей не морочь нам голову. Какая матрона будет поджидать битый час у манежа, когда всех забот для нее — заехать к нам на квартиру на Галерной да оставить записочку казачку Андрюшке. Если уж такая нужда ее одолела. А так и вовсе чепуха какая-то. Двух дней не проходит, чтобы ты не видался с князем Петром Ивановичем. Зачем посылать какую-то родственницу, когда он вполне может передать, что Анна Александровна желает тебе сказать.

— Ладно, какая разница, кто приезжал, — одернул Бурцева Каховский. — Матрона или не матрона... Нам-то что? Ты

мне лучше скажи, Денис, обедаешь ты у Бориса Четвертинского или опять отправишься на посиделки к какой-нибудь госпоже Хвостовой?

– Нет уж, увольте, – Денис с усмешкой отмахнулся от его предположения. – Я больше на Адмиралтейский ни ногой. Сегодня же скажу бабушке, пусть попросит папеньку привозить ей гардероб в Мраморный. Он-то будет только рад лишний раз из-под матушкиной опеки вырваться. Что же до Бориса, он меня не приглашал сегодня, – заметил он с сомнением.

– Это только потому, что ты Акулине Игнатьевне в лапы угодил, – съязвил Каховский. – Какие разговоры, ты же знаешь, у Бориса без церемоний.

– Верно, верно, – поддержал его Бурцев, – хватит лясы точить. Перцовки проглотили, теперь и закусить не грех. А про матрону, Денис Васильевич, – он подмигнул Олтуфьеву. – Рано или поздно само собой все наружу выйдет, как ни скрывай.

В небольшой столовой, стены которой были отделаны темно-зелеными гобеленами с изображением пиршеств древнегреческих богов, набилось человек тридцать офицеров – все завсегдатаи кружка кавалергарда Бориса Четвертинского, родного брата Марьи Антоновны Нарышкиной.

Обед подавали по-русски, с обильной закуской, состоявшей из трех полноценных блюд, после которых о самом обе-

де думать уже не хотелось, но он был неизбежен. Пока лакеи расставляли на покрытом белоснежной скатертью столе крутобокие фарфоровые супницы с домашними щами, неизменным атрибутом приемов у Бориса, общество поедало икру осетра, предложенную в вазочках, запивало ее шампанским и увлеченно обсуждало последние новости.

Главной же интригой политической жизни оставался все тот же вопрос: заключит государь мир с Бонапартом или же война продолжится. А если войны не избежать, кто будет назначен главнокомандующим армией. С тех пор, как Кутузов был удален из Петербурга и назначен генерал-губернатором в Киев, вопрос этот не казался праздным, особенно для военной молодежи.

– Готов спорить, что назначат какого-нибудь иностранца, – горячился хозяин дома. – Возможно, Кнорринга, Майендорфа или Сухтелена...

– Пардон, позвольте осведомиться, Борис, а кто это такие? – насмешливо возражал ему Бурцев, развалившись на бархатном диванчике перед окном. – Ты их на поле сражения когда-нибудь видал? Нет, я уверен, наш государь не просто умен, он прозорлив, и если бы не дурные австрийские советчики, которые совершенно запутали его накануне его сражения, аустерлицкая баталия сложилась бы для нас куда более успешно. Из иностранцев, если уж на то пошло, больше всего подходит Беннегсен, – заключил он и пыхнул трубкой. – Да и какой же он иностранец? Леонтий Леонтиевич,

самый что ни на есть русак... Ты как считаешь, Олтуфьев? – обратился он за поддержкой к Денису. Тот неопределенно пожал плечами:

– Я полагаю, его императорскому величеству виднее, кого ставить над армией нынче, – заметил он, – по мне так лучше Михайлы Илларионовича не сыщешь, а так бы князь Петр Иванович Багратион – кого ж, кроме него?

– Ну, Петра Ивановича не назначат, – кисло поморщился Бурцев, – кроме австрияков, у нас своих советчиков при государе хватает. Далеко не все из них Петру Ивановичу благоволят. А даже супротив, я бы сказал.

– Господа, господа, представление! – в комнату влетел возбужденный Каховский. – Небольшой дивертисмент для улучшения аппетита. Итальянский дуэт Дидона и Асканий! Просим, просим! – он бурно зааплодировал.

– Но где же представлять? – смутился неожиданным поворотом Борис. – Надо переходить в другой зал.

– А для чего? – сообразил скорый на решения Бурцев. – А ну-ка, молодцы, – он подозвал к себе трех лакеев в зеленых livреях и напудренных париках, – клади свои плошки и подходи ко мне! Перенесем стол поближе к окнам.

– Да, конечно, – обрадовался Четвертинский. – Мы и сами можем это сделать! – он поспешил на помощь Бурцеву. Его примеру последовали еще человек шесть офицеров.

– Гляди, щи не урони! – веселился Бурцев. Под его шутки стол убрали с центра, а посредине зала расставили полу-

кругом стулья в несколько рядов, образовав импровизированный зрительный зал. Публика с пересмешкой расселась. Денис оказался с краю, рядом с ним оставалось свободное место.

– Зови артистов, Лев! – громогласно попросил Бурцев, расположившись в первом ряду. И намеренно звучно хлопнул несколько раз в ладоши.

Его поддержали нестройно, но с явным энтузиазмом. Каховский на цыпочках подбежал к дверям, ведущим в соседнее помещение, – они теперь заменяли занавес. Повернувшись, он картинно поклонился и еще раз провозгласил:

– Дидона и Асканий, картина первая!
– Давай уж скорее! – нетерпеливо ерзал на кресле Бурцев.
– Да тише ты, Лешка, тише, – зашикали на него сзади, – испортишь весь антураж!

Неторопливо, как того и требовал момент, Каховский распахнул двери. Трагически сжав руки на груди, в зал вплыла актриса, изображавшая Дидону. Каховский услужливо подставил ей кресло. Она опустилась в него, положив тонкие, обнаженные руки на подлокотник. Словно в ожидании грозных, роковых событий, нависших над ее судьбой, она напряженно подалась вперед, вглядываясь вдаль, как будто высматривала кого-то. Должно быть, в спешке парик с длинными, ярко-рыжими волосами был не очень хорошо расчесан, и на затылке у Дидоны встопорщилось несколько прядей. В

остальном же царица выглядела безупречно. Широкий вырез темного платья подчеркивал ее гордую шею, аккуратные линии головы, соблазнительную округлость груди. Розовые тона спелого персика лежали на покрытом легким румянцем по-девичьи молодом лице. Нежный излом темных бровей над большими глазами цвета морской воды, благородный изгиб пурпурного рта. Некоторое время Дидона оставалась неподвижной, как будто нарочно представляла себя, чтобы ее подробно рассмотрели. Среди офицеров пронесся одобрителный гул, актрису оживленно обсуждали полупотом. Все ждали явления Аскания. Вместо него, воспользовавшись паузой, в зал проскочил запоздавший к обеду Вадим Желтовский.

– Ну, вот, – разочарованно вздохнул Бурцев в первом ряду. – Мог бы и подождать чуток. Испортил все впечатление....

– Прошу меня извинить, – Желтовский поспешно прошел между креслами и сел рядом с Денисом. – Я и не знал, что здесь будет театр, – сказал он вполголоса Олтуфьеву, – надеялся только пропустить закуску...

– Вадим, – Бурцев повернулся к нему и спросил с усмешкой, – ты там Аскания не видел? Может, он заснул, так разбудить надобно?

– Идет он, идет, – раздраженно прервал его Каховский и выскочил в соседнюю комнату.

Вскоре он вернулся и на цыпочках прошествовал в ни-

шу окна. Следом за Левушкой появился долгожданный Асканий. Его встретили аплодисментами. В отличие от Дидоны, он вовсе не выглядел грациозно, скорее напротив, казался тяжеловат. Одет он был в бархатную тогу. Черные курчавые волосы на голове всклокочены, лицо явно опухшее и вялое. Шаркая сандалиями, натянутыми на босу ногу, он подошел к Дидоне и встал за ее креслом. Асканий усиленно гримасничал, демонстрируя публике переживания. Потом начал говорить роль – по-итальянски, но как-то хрипло и неохотно. Дидона слушала его, не шелохнувшись. Потом она встала, закинула голову, изображая потрясение от услышанного, повернулась к актеру. После короткой, полной драматизма паузы она протянула руки к его голове, склонилась над ним и поцеловала в лоб.

– Иди ко мне, мой юный Асканий! – возвестила царица надрывно. – Расскажи, что пережил Эней в дальних странах!

То ли крякнув, то ли кашлянув, то ли всхлипнув, великовозрастный юноша плюхнулся перед Дидоной на одно колено и прижался лбом к ее руке. Он изображал сильнейшее волнение, слегка пристукивая ногой об пол.

– Bravo! Bravo! – зааплодировал Каховский, выскакивая из ниши окна. – Сейчас шампанское, а потом Кассандра и Мария-Магдалина!

– Прошу прощения, а щи когда? – спросил кто-то недовольно.

– Ну, какие щи, право, – возмутился искренне Левушка, – Какая проза! Щи обождают, сперва – искусство!

– Твой брат, как всегда, полон сюрпризов, – заметил Желтовский Денису. – Где он разыскал этих комедиантов?

– Не знаю, – Олтуфьев только недоуменно покачал головой. – Во всяком случае, в манеже, перед тем как мы отправились сюда, он даже и словом не обмолвился про дивертисмент. Для Бориса, кажется, это тоже сюрприз, – он бросил взгляд на Четвертинского. – Иначе он бы не распорядился подавать горячее на стол.

– Должен поблагодарить тебя, Денис, – вспомнил неожиданно Желтовский. – Матушка написала мне, что ей от моего имени переслали просто невероятную сумму денег, почти две тысячи ассигнациями. Сначала я решил, что вышла какая-то ошибка. Но потом вспомнил, что этой сумме как раз равнялся мой долг капитану Новикову, и ты обещался достать для меня деньги. Признаюсь, я вел себя подло, как свинья, – Желтовский опустил голову, – напился до беспамятства вместо того, чтобы самому искать выход из собственного несчастья. Но ты узнаешь, я умею быть благодарным. Не могу сказать точно, когда отдам тебе долг, – горячо продолжал он, взяв Дениса за руку, – но не сомневайся, я все верну, до копейки. Я дал зарок не играть, пока не расплачусь.

– С возвратом не стоит торопиться, – ответил Денис смущенно. – Деньги не мои, я их позаимствовал у бабушки. А ей не к спеху. Она так и сказала, пускай не мучает себя. Вернет,

как оказия выйдет...

— А вы слышали, — придвинув стул, к ним подсел Бурцев, — с этим капитаном Новиковым до сих пор происходят какие-то невероятные истории.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — изумился Денис. — Какие истории могут происходить с мертвецом? Ты же сам рассказывал нам, что Новикова нашли мертвым на следующий день после того, как Вадим проигрался ему. Выяснили, наконец, кто его убил?

— Вот ты уж спросишь, право, Денис Васильевич, — усмехнулся Бурцев. — Я что, по-твоему, похож на графа Виктора Павловича Кочубея, министра внутренних дел, или хотя бы на петербургского обер-полицмейстера? Это у них надо спрашивать, кто убил да за что.

А я знаю только то, про что молва разносится. Вот давеча в театре у Коломны Екатерина Ильинична Кутузова рассказывала в ложе, что будто Новиков тот едва ли не по улицам Петербурга по ночам бродит и к прохожим задирается...

— Что... Что? — изумился Четвертинский, присоединившийся к их кружку. — Не поверю, что Екатерина Ильинична могла такое говорить. Она такая разумная дама, с ясным умом, обаянием...

— Ну, а обаяние здесь причем? — иронически осведомился у него Бурцев. — Думаешь, покойникам обаятельные особы не приглянутся. Да им все равно, кто ты таков, лишь бы свести счеты. Как Михайла Илларионович отъехал в Киев, Ека-

терина Ильинична одна с дочерью осталась в доме на Английской набережной. Так, конечно, боязно ей. Только она всего лишь разговор завела, а свидетели быстро сыскались.

– Свидетели?! – переспросили Олтуфьев и Четвертинский в один голос. – Свидетели чего, позволь полюбопытствовать?

– Свидетели ночных прогулок покойника Новикова по Петербургу, – как ни в чем не бывало, уточнил Бурцев. – Вернее, не свидетели, а одна свидетельница. Супружница нашего петербургского командующего гарнизоном мадам Вязмитинова. Ну, она, известное дело, дама в годах, к тому же неуравновешена.

– Что же, она видела его? Самого Новикова?

– И даже разговаривала, – сообщил Бурцев со значением и слегка опустил голову, чтобы усилить впечатление. – Вообразите себе, возвращается как-то мадам Вязмитинова из гостей, уже за полночь было, к себе домой. Ну, простилась с мужем, как положено. Он уж в возрасте, на долгие объятия у него запала нет, устает быстро. Служанки тоже замешкались. Вошла мадам Вязмитинова в свои покои, видит, а на кровати ее кто-то лежит, – скрывая улыбку в усы, Бурцев расширил глаза, – в белой рубашке и панталонах. Мадам пригляделась и ахнула – мужчина!

– Так с чего она взяла, что это капитан Новиков был, – рассмеялся Желтовский. – Может, и не он. Раз муж стар, так у мадам наверняка вздыхатели имеются!

– Ну, что ты, Вадим! – отмахнулся Бурцев. – Какие взды-

хатели. У Вязмитиновых две дочери уже замужем, третья на выданье, кому ж она нужна, пардон за прямоту... И помоложе хватает!

– И что, что было дальше? – заинтересованно спросил Четвертинский. – Мужчина тот исчез, или как?

– Как же, исчез! – хохотнул Бурцев. – В том-то вся и штука, что позовет мадам горничную – он исчезнет, а как одна останется – он опять появляется. Лежит себе на ее кровати под балдахин и улыбается нагло.

– Ну, так это вовсе, может быть, и не Новиков, – резонно заметил Денис. – С чего она взяла, что он Новиков. Может, иной какой спирит. Может, мадам втайне сеансы спиритические посещала, так там к ней привязался какой поклонник из потустороннего мира?

– Мадам крайне религиозна, – наставительно заметил ему Бурцев. – Ни о каких гайстах или спиритах слыхом не слыхивала. Ходит на исповедь каждую неделю, причащается, как положено, на ночь Библию читает. А если что и происходит, чего она не понимает, так все это, по ее мнению, от сатаны. Вот она на следующий день батюшку в дом призвала, рассказала ему все, как произошло с ней. Батюшка воду святую лил, молитву читал. Мадам уж успокоилась, мол, все, исчез гайст, больше не побеспокоит. А не тут-то было...

– Да ну!

– Вот-вот. Как опять ночь настанет, так снова мужик на кровати лежит и усмехается. На вторую ночь он даже заго-

ворил с ней. «Ты, говорит, Агриппина Федоровна, прости меня. Но уж больно тоскливо мне в земле сырой лежать, позволь на твоей постельке понежиться». Мадам Вязмитинова прямо дара речи лишилась, как услышала его. А он ее пальчиком манит, да продолжает: «Злые люди, жадные покалечили меня до смерти, извести возжелали. Пожалей меня, Агриппина Федоровна». Прямо молит, и слезы, текут из глаз.

– И что ж госпожа Вязмитинова? – осведомился Четвертинский озабоченно. – Неужто ответила ему?

– Как же она ответит, – упрекнул его Бурцев, – она же мысли не умеет так передавать, как он ей передал. Да и перепугалась она, в обморок грохнулась. Горничные набежали, насили в чувство привели. Так несчастная целых два дня после этого слова из себя выдавить не могла.

– Как же она в театр-то приехала? – усомнился Денис. – Не побоялась?

– Так, напротив, чтобы отвлечься, – ответил Бурцев. – А ночью никак по-иному теперь не засыпает, кроме как в присутствии служанки. Кровать повелела заменить вовсе и переставила ее в другую комнату. Вот как!

– Бурцев, что вы все ерунду мелете, – прервал их Каховский в возмущении. – Вы будете Кассандру смотреть или все языки чесать продолжите?

Глава 2

Пикантный оборот

Между обедом у Четвертинского, затянувшимся дотемна, и гвардейским клубом, где ожидалась карточная дуэль Бурцева и весьма самонадеянного московского гастролера из чиновников, Денис заехал ненадолго в Мраморный. Ему не терпелось узнать, не поступало ли еще каких сведений от Анны, когда же она, наконец, придет в Петербург.

Старый солдат Егор Кузьмич проводил кавалергарда в малую белую гостиную дворца. Перед высоким камином, отделанным мрамором и самоцветами, князь Орлов читал какое-то письмо. Напротив него в кресле сидел старинный приятель граф Александр Сергеевич Строганов. У закрытого бархатными портьерами окна примостилась с шитьем Елизавета Михайловна.

– Вот моя Татьяна Дмитриевна со всей искренностью верит, – рассказывал Строганов и перебрасывал с ладони на ладонь несколько зеленоватых камушков, отшлифованных до блеска, – искренне верит, что камень этот, прозванный змеиным, приносит нашему семейству удачу. Так уж издавна повелось, что делают для нас из него и столешницы, и вазы в гостиные, и часы в него оправляют. Я и учеников своих в академии приучаю с этим камнем работать, тесать его, по-

лировать. Очень уж красивые штуковины из него получают-ся. А знаешь ты, Елизавета Михайловна, с чего началось для Строгановых знакомство со змеиным камнем? – он повернулся к Олтуфьевой.

– Как не знать, – откликнулся вместо графини Алексей Григорьевич. – Все уж знают, кого не спроси, – он усмехнулся. – Почитай разов сто рассказывал ты, Алексашка. Помирать стану, и то вспомню, как шел твой прадед купец Аникей Строганов по горной тропинке на ваших шахтах уральских, где вы изумруды да прочее богатство свое добываете, и подвернулся ему под ногу круглый камушек. Сам зеленый весь, а разводы на нем черные, как на шкуре змеиной. Вот с тех пор вы камень этот почитаете своим талисманом. Что, скажешь, Алексашка, не так было? – поинтересовался он иронично.

– Так-то так, – ответил Строганов с легкой обидой. – Да только главного ты не сказал, Алексей Григорьевич. Камень этот не просто так, по случаю, Аникею подвернулся, а от большой беды его спас. От укуса змеиного. На дорожке той под камнем Аникея гадюка ядовитая поджидала, готовилась напасть, а как только Аникей камень поднял, так она испугалась и уползла. С тех пор, сколько ни ходил Аникей с камушком этим по горам, так н и одной змеюки и не встретил.

– Ох, умеете вы, Строгановы, легенду о себе сочинить, – подтрунил над ним князь Орлов. – То расскажете, как на собственные деньги, по собственному душевному велению со-

бирали в поход атамана Ермака, мечтали об открытии новой земли за Уральским хребтом. То как там уж в Сибири какого-то отпрыска ханского схватили и за него выкуп огромный получили, на который государь Иван Грозный войско супротив поляков собрал. А на самом деле, Алексашка, если руку на сердце положить, для царя ли старались вы, для России ли матушки? – Орлов прищурился. – Небось, больше думал твой прадед Аникей, как задобрить царя Ивана Васильевича, чтоб он за строгановские рудники, с которых вы подати не платили в казну, опалу с вас снял. Да откупиться меньшим за большее мечтали...

– Что ж, отпираться не буду, – Строганов снова подбросил камушки. – Что было, то было. Всякие расчеты делали предки мои, ворон не считали на лету, глазами не моргали попустому, соображали. А коли нам доставалось перца от царей да императоров, так мы не серчали, исправляли огрехи свои. Долг свой перед отечеством помнили, но и собственный карман не забывали. Государю Петру Алексеевичу для войны со шведами сколько руды безо всякой оплаты поставили? – Строганов загнул палец на правой руке. – Леса опять же строительного для верфей и кораблей. Твою ж эскадру, Алексей Григорьевич, которая турок под Чесмой разбила, из чьего леса рубили? Из нашего, сибирского, – напомнил он и загнул второй палец.

– Ладно, ладно, не ершись, – примирительно заметил Орлов. – Чего нам с тобой считаться, старые уже мы. Поспори-

ли, да и будет. Помрем, пусть потомки решают, кто принес пользу, а кто сам пользовал. Все по заслуженному на небесах достанется.

– Здеся граф Олтуфьев пожаловали, – возвестил Кузьмич, приоткрыв дверь, и закашлялся.

– Позвольте, князь, – Денис вошел в гостиную. Он сразу увидел в руках Алексея Григорьевича лист бумаги и почему-то решил, что это письмо от Анны. Сердце молодого человека взволнованно забилося. Глядя на письмо, он даже забыл, зачем, собственно, приехал в Мраморный.

– А вот и внук, входи, входи, молодец, – радушно пригласил его князь Орлов. – Что новенького в гвардии?

– Да, собственно, и ничего, – ответил Денис рассеянно, стараясь вспомнить, что же в самом деле особенного случилось за последние дни. Но ничего кроме историй о призраке капитана Новикова на ум ему не приходило.

– Небось видения последние обсуждают, – к его удивлению, догадался Строганов и, спрятав камешки в небольшой бархатный мешочек, который носил на груди как амулет, заметно оживился: – Моя Татьяна Дмитриевна тоже слышала эту историю, – начал он. – Говорят, на днях какого-то капитана, бывшего у нас по служебной надобности из Пятигорска, убили на Галерной улице. Вроде как за карточный долг, уж больно он везуч оказался в игре, много выиграл. Вот ему и не простили. Но ничего не известно покуда. Я вот нынче утром с государем Александром Павловичем завтра-

каль имел честь, так не поленился, спросил у графа Кочубея, мол, Виктор Павлович, скоро ли найдут убийцу капитана того, может, после этого он успокоится, удовлетворится, перестанет народ честной пугать. Так он только руками разводит. Ни единой зацепки даже не имеется, Александр Сергеевич, отвечает, ни единого следка преступники не оставили. Чисто все. Вот хоть верь, хоть нет, а словно кара небесная, господи прости. – Строганов поспешно перекрестился.

– Что ж, неужто твоя Татьяна Дмитриевна тоже призрак того капитана повстречала, – ужаснулась Елизавета Михайловна и опустила шитье. – Где ж? Когда ж?

– Боже упаси! – отмахнулся Строганов. – Что ты такое, матушка, удумала. Не ровен час Татьяна Дмитриевна с ним встретится, так совсем мне жизни не будет дома. Прикажет каждую комнату баррикадировать и слуг с ружьями расставлять. Ни приемов тебе, ни банкетов, ни спокойной жизни. Нет, пока ей только слухов достаточно. И то сон потеряла, все выслушивает по всему дому, все выглядывает. А давеча в театре от супруги генерала Вязмитинова такой рассказ услыхала, что насилиу отпоил ее чаем, как вернулась. Пока оберег наш змеиный камень не положил ей под подушку, не заснула...

– Да, вот уж страшилище для всей столицы выискалось, – Елизавета Михайловна пожала плечами. – Только и разговоров, что о нем. А что-то, мой родной, – обратилась она к Денису, – я тебя ждала вчера, вчера, а ты так и не явился. Куда

ж пропал? Ты привез мне с Адмиралтейского лисий салоп, крытый голубой тафтой, как я просила? Или забыл?

– Не забыл, ба, но и не привез, – Денис виновато потупил взор. – Сам оттуда еле ноги унес, без салопа. Матушка с батюшкой обязали меня ехать с ними на именины к госпоже Хвостовой, девочек сопровождать, – пояснил он. – Так я едва дождался окончания того празднества, так там скучно было. Я вот предложить решился, может, ты, ба, папеньку попросишь тебе одежду верхнюю привезти, а то уж больно дорого обходятся мне визиты в родительский дом.

– Ладно уж, чиркну ему записку, – согласилась Елизавета Михайловна. – Ты уж больше не хлопочи. Понимаю, как тебе грустно терять время от гвардейского развлечения.

– А вот скажи-ка мне, Алексей Григорьевич, что тебе в письме написано, – поинтересовался Строганов, и Денис насторожился. – Что-то ты молчишь? Или нам с Елизаветой Михайловной знать не положено? – Он лукаво подмигнул Олтуфьевой. – От какой вздыхательницы письмишко? Или ж ты Лизиной ревности опасешься?

– Не от вздыхательницы, – ответил Орлов с едва заметной улыбкой. – Вздыхательницы-то уж мне давно не пишут. Им молодых кавалеров хватает. Письмо это из Италии, Алексашка, – продолжил он. Услышав это, Денис вздохнул, ощущая одновременно и успокоение, и разочарование.

– Кто ж тебе пишет из Италии? – Строганов привстал с кресла. – Из Рима, из Академии художеств?

– Нет, пишу из Неаполя. Мой старый друг доктор Джанфранко Чаккони, – произнес Орлов, задумчиво глядя на огонь в камине. – Добрейший человек. Я жил у него некоторое время после того, как вынужден был бежать из Петербурга в начале царствования государя Павла Петровича. Сеньор Чаккони долго служил личным врачом королевы Марии – Каролины Неаполитанской, он очень помог мне с лекарствами и продовольствием, когда австрийцы бросили армию графа Суворова в Альпах без всякой поддержки. Он обратился к своей государыне, родной сестре австрийского монарха, и она оказала давление на братца. Кроме того, собрала все, что нашлось у нее самой в королевстве. Теперь мой друг Чаккони остался нищим и бездомным...

– Как это? – искренне удивился Строганов. – Его прогнали от двора.

– Больше нет двора, и ему негде служить, – продолжил Орлов с прежней печалью. – Бонапарт решил короновать на трон Неаполя своего старшего брата Жозефа, и Габсбурги изгнаны прочь. К сожалению, все, что я могу сделать для Джанфранко – это пригласить его с семейством поселиться у меня в Петербурге и оплатить все дорожные расходы. Так я и сделаю, – князь вздохнул.

– Это верно, – поддержал его горячо Строганов. – Тем более, что для знающего доктора у нас найдется неплохое место. Князь Багратион не зря говорил тебе, что государь принял решение о создании медико-хирургической акаде-

мии, президентом которой станет Анна Алексеевна. Я уверен, у нее будет немалая нужда в отменных медикусах, тем более пользовавшихся королей. Обязательно поговори с ней, как только она приедет.

– Да, уж скорей бы, – согласился Орлов. – Считаю дни, Алексашка. Но думаю, она приедет не сегодня-завтра.

– Что ж, я отправлюсь в клуб, пожалуй, меня ждут, – осознав, что никаких известий от Анны нет, Денис собрался на Галерную. Ему не терпелось посмотреть, как Бурцев обыграет самоуверенного москвича, и он не хотел пропустить начало. Коротко кивнув Строганову и Орлову, молодой человек направился к дверям, но Елизавета Михайловна остановила его. Шурша черным шелком платья, она подошла к внуку и, понизив голос, попросила:

– Будь добр, удели мне еще некоторое время, Денис, мне надо поговорить с тобой об одной особе.

– О ком? – Денис в недоумении пожал плечами.

– Ты все сейчас поймешь, – Елизавета Михайловна сделала предупредительный жест. – Идем со мной. Они прошли в небольшую комнату, где Денис прежде не бывал. Она имела форму полукруга и была обтянута слегка мерцающим голубоватым шелком. Поверх обивки красовались круглые мраморные медальоны, на которых были изображены фигурки различных животных. Мебель в комнате в основном была мягкая, сделанная, как и в соседней гостиной, из отбеленного дерева и обтянутая голубым шелком, повторяющим обив-

ку.

– Я не задержу тебя надолго, присядь, – попросила Елизавета Михайловна Дениса и указала на невысокое кресло с круглой спинкой, стоящее перед холодным камином. Сама же она села на канapé под балдахином с пышными воланами, стоящее напротив.

– Я слушаю, ба, что случилось? – спросил Денис встревоженно. – Что-то произошло? С Анной?

– Ну, почему именно с Анной, – Елизавета Михайловна улыбнулась. Все мысли внука были сосредоточены на Анне, она знала это. Тем тяжелее было ей заводить с ним речь об иной девице. – Не об Анне, о мадемуазель Алисе де Лицин я желаю с тобой поговорить, Денис, – произнесла она сдержанно и внимательно посмотрела на молодого человека. Денис опустил голову, весь его облик выражал покорное неприятие. – Меня сегодня после обеда посетила ненадолго княгиня Анна Александровна, – сообщила Денису графиня. – Князь Орлов принял ее радушно, но я сразу заметила, что она опечалена. Причину своей грусти Анна Александровна от меня не скрыла. Она попросила меня о разговоре наедине, и я привела ее сюда же, где мы с тобой сейчас находимся. – Денис с недоумением взглянул на бабушку, мол, и что с того? – Скажи мне, Денис, только честно, между тобой и мадемуазель Алисой установилась тайная связь? – попросила его Елизавета Михайловна. – Анна Александровна очень обеспокоена этим...

– Ба, мы уже не в первый раз говорим о мадемуазель Алисе, – недовольно ответил Денис. Встав с кресла, он подошел к камину и оперся локтем о мраморную полку. – С тех пор, как я имел честь быть ей представленным на чествовании князя Петра Ивановича у Гагариных, ты и княгиня Голицына только и беседуете со мной о ней. Отчего, ба? Среди приглашенных было немало иных девиц, почему бы не поговорить о них? Скажи мне без уловок, – потребовал он. – Ты и Анна Александровна решили женить меня на Алисе? А что скажет на это моя матушка? Вы не забыли о ней? Алиса не так уж состоятельна, за ней не дадут большого приданого, так что матушка ни за что не согласится. А меня, я так понимаю, вообще никто не спрашивает, – он с отчаянием пристукнул ладонью по мраморной полке.

– Пожалуйста, прояви терпение и послушай меня, – остановила его Елизавета Михайловна. – Как никому иному, мне прекрасно известно твое отношение к Анне. А ты знаешь, с каким нежным чувством всю жизнь я привязана к ней. Не говоря уже о моей любви, да, да, – она сделала паузу. – Теперь, когда ты уже взрослый, я могу сказать тебе об этом, о моей любви к ее отцу. Никто другой на свете не желал бы больше, чем я, чтобы ты и Анна соединили свои судьбы. Но я признаюсь, я не понимаю тебя, внук, – Елизавета Михайловна развела руками. – Ты любишь Анну, ты ждешь ее возвращения, а сам просишь Алису о тайных свиданиях и даже – это неслыханно! – умоляешь о телесной близости. Ты играешь

с огнем, — Елизавета Михайловна разволновалась настолько, что тоже не могла усидеть на месте и принялась ходить по гостиной, сжимая руки на груди. — Теперь, когда Алиса призналась ей во всем, Анна Александровна имеет полное право отправиться к твоему отцу и потребовать у него твоей женитьбы на Алисе, так как ты ее скомпрометировал...

— Я просил Алису о близости? — Денис едва не опрокинул с каминной полки фарфоровые часы, которые стояли на ней. Лицо его побледнело, на нем выступили розовые пятна гнева. — Это невероятно! — воскликнул он и сразу осекся, осведомился сухо: — Позвольте узнать, это сама мадемуазель Алиса рассказала княгине Анне Александровне о моих на нее притязаниях?

— Сначала обо всем доложила горничная, — ответила Елизавета Михайловна, и Денис, кивнув, усмехнулся, он так и думал. — Она сказала, что молодой офицер из конной гвардии назначает ее барышне свидания у манежа и, усевшись к ней в карету, прости меня уж за прямоту, — Елизавета Михайловна слегка поклонилась, — пытается вызвать ее на ласку. Для Анны Александровны такой рассказ прозвучал как гром среди ясного неба. Она немедленно отправилась к Алисе, — продолжала графиня. — Та попыталась отпираться. Но горничная в присутствии мадемуазель повторила свой рассказ. Тогда Алисе ничего не оставалось, как признаться, — Елизавета Михайловна развела руками и, с осуждением покачивая головой, снова уселась на канапе. — Надо отдать

ей должное, — добавила она уже спокойнее, — она пыталась скрывать твое имя, и Анна Александровна сначала думала на Льва, который начал ухаживать за Алисой раньше твоего. Но потом к вечеру у мадемуазель начался жар, она впала в слезы и призналась Анне Александровне, что любит тебя, что без тебя она отказывается жить. Как мне прикажешь, Денис Васильевич, понимать все это? — осведомилась графиня, не скрывая возмущения. — Ты больше не любишь Анну и желаешь соединить свою судьбу с Алисой? Не забывай, что мадемуазель Алиса — воспитанница князя Багратиона. Мне удалось уговорить Анну Александровну не посвящать пока в это дело Петра Ивановича. Она уже собиралась просить его, чтобы он призвал к чести своего адъютанта. Я обещала ей поговорить с тобой, что сейчас и делаю. Ну, отвечай мне! — Елизавета Михайловна встала и подошла к внуку. Ее яркие, синие глаза, опутанные множеством мелких морщинок, сверкали с трудом удерживаемыми слезами: — Отвечай мне, я так и не доживу до того, что увижу Анну хотя бы твоей возлюбленной? Уж о свадьбе твоей с ней я даже не мечтаю. Для этого сперва надо получить расстриг от монашества, на который ее вынудил государь Павел Петрович. Наш синод не любит принимать такие решения, особенно когда речь идет о богатой особе. Так что вряд ли я и князь Алексей Григорьевич дождемся того, что попы наши раздобьются, разве только государь Александр поможет. Но помолвку твою с Анной я бы желала видеть, и даже присутствовать на ней. А что же

выходит? Ты меня Анне Александровне в родственницы записываешь? Признаюсь, что отношусь к семейству их с почетом, но Орловым они не чета. Для меня, по крайней мере. У тебя была тайная связь с Алисой? – спрашивала она возбужденно. – Гляди, Денис, – она погрозила пальцем, – если ты не признаешься, Анна Александровна предупредила меня, что намерена пригласить к Алисе доктора, который осмотрит ее на предмет нарушения девственности. И уж если таковой случай произошел, никто, милый мой, не докажет, что обесчестил ее не ты, даже если на самом деле ты был вовсе ни при чем.

– У меня нет никакой тайной связи с мадемуазель Алисой, – ответил Денис растерянно. Он понял, что попал в ловушку. – Я так и подумал, ба, что Марфушка эта не будет молчать, я разу не поверил ей, – воскликнул он с досадой. – Но я не ожидал от мадемуазель Алисы такого низкого поступка. Оговорить меня перед тетушкой Петра Ивановича, чтобы добиться того, в чем я ей отказал! – он подошел к окну и отдернул штору. Над мрачной громадиной Петропавловской крепости на противоположном берегу Невы висел бледно-желтый полумесяц, кое-где поблескивали фонари, кружился мелкий, сырой снег.

– Алиса оговорила тебя? – Елизавета Михайловна подошла к нему сзади и с сочувствием обняла за плечи: – Что это значит, Денис? Расскажи мне все. Мы придумаем, как вывести ее ложь на свет божий, если это так.

– Мне неприятно говорить в таком роде о юной особе, которая, как мне казалось, заслуживает только восхищения, – Денис обернулся к графине. – Я старался относиться к мадемуазель Алисе с глубоким почтением, ба, чтобы никак не задеть ее достоинства. Да, сегодня в полдень я виделся с ней, как оказалось, втайне от Анны Александровны. Мадемуазель приехала к манежу и переслала мне записку с Каховским, в которой просила о свидании. Поскольку она уже ждала меня в карете на Конногвардейском, я направился к ней, дабы избежать ее компрометации. Оказалось, мадемуазель убежала из дома, пока Анна Александровна отсутствовала. Я и в мыслях не имел, ба, чтобы садиться к ней в карету, но эта горничная, Марфушка, едва не силком затолкала меня внутрь. Во всяком случае, она очень настаивала, чтобы я сел к ее госпоже. Я и подумать не мог, что они разыгрывают заранее подготовленное действо, чтобы после оговорить меня перед Анной Александровной. Я даже не мог вообразить, что Алиса способна на подобное! Я ей доверился полностью, даже вернул записку, которую она прислала мне...

– Ты благороден, внук, – Елизавета Михайловна покачала головой, – но твое благородство желают обратить против тебя. Ты говорил своим друзьям, которые были с тобой в манеже, что получил письмо от Алисы, назвал ее имя?

– Нет, ба! – воскликнул Денис. – Как я мог? Ведь я как раз того и опасался, что они узнают о ней и начнут судачить. Без злобы, верно, но все же сделают ей компромат. Мне из-

вестно, что подобные поступки юной девушки никак не идут ей на пользу.

– Значит, твои друзья не смогут подтвердить, что Алиса сама, по собственной воле, вызвала тебя из манежа? Что не ты назначал ей свидание.

– Нет, – Денис огорченно пожал плечами. – Бурцев и Каховский знают, что меня вызвала дама, но я скрыл от них, что это была Алиса.

– А вот Алиса ничего скрывать не стала, – с сожалением заметила Елизавета Михайловна. – Теперь она вполне может воспользоваться услугами любого лакея, который лишит ее девственности, и обвинит моего внука, – добавила она с сарказмом. Потом снова прошла по комнате, шелестя шлейфом платья. – Негодница все обратит себе на пользу, и никто не сможет возразить, что мой внук здесь ни при чем.

– Но, ба, я не верю, что Алиса способна на такую подлость! Она клялась, что любит меня, я с должным уважением отнесся к ее чувству. Но я вовсе не подавал ей поводов для любви!

– Ты считаешь, что для любви необходимы поводы? – усмехнулась Елизавета Михайловна и глубоко вздохнула. – Увы, в возрасте Алисы для того, чтобы любовь вспыхнула, достаточно мимолетного взгляда, ее собственной фантазии, наконец. Она сама придумала себе вашу любовь и теперь пытается всеми способами сделать выдумку реальностью. Мой внук принадлежит к блестящей фамилии, он достаточно бо-

гат, он красив собой, обходителен, вежлив, он носит великолепный мундир, что еще надо юной девушке, только что приехавшей в столицу, чтобы сердце ее вспыхнуло? Особенно если учесть, что воспитывалась она в усадьбе, почти в полном одиночестве. Конечно, впечатления захлестнули ее. Тем более, как говорит Анна Александровна, ты спас Алису, когда во время представления у Гагариных на ней загорелось платье. В ее глазах ты стал героем, это однозначно, прекрасным принцем из сказки.

– Но я не подавал мадемуазель Алисе никаких поводов рассчитывать на мою взаимность, – повторил Денис настойчиво. – Я дал понять ей, что не испытываю ответных чувств. Она не поняла меня?

– Она поняла, – кивнула Елизавета Михайловна. – Но вот смириться не захотела. Эта маленькая захватчица уже решила, что кавалергардский трофей должен принадлежать ей, и не хочет так просто расставаться со своей мечтой. К тому же раз ты напрямую отказал ей. Она обиделась, – продолжила графиня задумчиво. – Женщины, даже столь юные, тяжело переносят отказ мужчины. Как правило, они не прощают того, кто пренебрег их чувствами. Теперь я понимаю, Алиса желает отомстить тебе, и, я уверена, она пойдет до конца. Будет использовать все: твое благородство, твое почтение к князю Багратиону, сострадание Анны Александровны к ее сиротству, лишь бы женить тебя на себе. Или хотя бы заручиться помолвкой. Как же ты так неосторожно доверился ей,

внук? – упрекнула она Дениса. – Хорошенькая на лицо, я не спорю, вроде и тиха собой. Но не зря говорят в народе, что в тихом омуте черти водятся. Подумай еще раз, что же, так никто и не видел ее перед манежем? Ни единая душа? – спросила она внука. – Денис пожал плечами. Лицо его горело, он готов был провалиться сквозь землю от стыда и злости.

– Была плохая погода, и на улице было пустынно, – ответил он бабушке мрачно, – кто ж увидит, коли она все время в карете сидела. Если только Лев узнает горничную, – вдруг вспомнил он. – Ведь письмо Каховскому для меня передавала эта Марфушка, а не сама Алиса.

– Что ж, это, пожалуй, выход, – оживилась Елизавета Михайловна. – Теперь главное – не спугнуть эту Марфушку. Ты, внучок, держи язык за зубами, – предупредила она Дениса, – никому и вида не показывай, будто расстроен чем-то. Я возьму на себя смелость, приглашу Анну Александровну еще разок к себе, постараюсь навести ее на мысль, будто Алиса намеренно вводит всех в заблуждение, чтобы цели своей достигнуть и выгодного жениха приобрести. Завтра же приглашу княгиню, – пообещала Елизавета Михайловна. – Но не знаю, как откликнется она на мое предположение. Анна Александровна – кровей грузинских, горячих, как бы не обиделась шибко, – графиня озабоченно покачала головой. – Может и напротив, встать на защиту Алисы, не поглядит, что мы с ней дружны с юных лет. Не надо забывать, что при всем ее ко мне расположении Анна Александровна в средствах во

всем зависима от Голицыных, так что станет защищать их интересы, как без того. Вот тогда нам с тобой очень Левушка понадобится. Ты его далеко не отпускай от себя, – попросила она. – И было бы недурно, если бы кроме него еще кто-нибудь сыскался, из тех, что были в манеже тогда или около манежа прогуливались. – добавила многозначительно. – Кто Алису мог видеть, – уточнила она. – А значит, скажет, что первой она тебе встречу назначила и ожидала ее. Вот, например, дружок твой, Лешка Бурцев, по-моему, сообразительный малый. Он же был с вами, ты говоришь. Пусть он не видел ничего собственными глазами, но если разъяснить ему суть дела, не откажется помочь товарищу, я полагаю?

– Ба, как ты можешь так говорить! – искренне возмутился Денис. – Если Бурцев не видел Алисы, и я ему ничего не сказал о ней, так, значит, он и не знает. Как я могу просить его покривить душой и свидетельствовать о том, что ему неизвестно?! Это недостойно, ба!

– Ты бы рыцарские свои прорывы попридержал пока, – серьезно заметила ему Елизавета Михайловна, сдвинув над переносицей брови. – Пока ты благородство намерен показывать, иные совсем других принципов придерживаются, расставили силки и только поджидают, когда ты в них угодишь. Не хочется мне думать, что княгиня Анна Александровна надоумила Алису, уж больно бестолково все устроено, не по ее разумению, но воспользоваться маленькой хитростью своей воспитанницы она бы тоже не прочь. И ей выгодно удачно

выдать Алису замуж, чтобы состоянием ее молодого мужа пользоваться. Не у Гагариных снимать этаж, а у нас на Адмиралтейском жить на полном законном основании. Ты не забывай, что супруг Анны Александровны погряз в карточных долгах, все имущество их заложено-перезаложено, Анна Александровна сама живет в кредит, получает деньги из казны и из иных благодетельных источников только под славное имя племянника своего, Петра Ивановича. На его жалование генеральское тоже покушается нередко, чтобы концы с концами свести. Ты, Денис, по внешности не суди, – продолжала она взволнованно. – Все мы манерам должным обучены и знаем, как вести себя в обществе. Только вежливым обращением да манерами гладкими сыт не будешь, деньги-то, Денис, они куда большую власть имеют над людьми. На себя уж Анна Александровна рассчитывать не может, даже если и овдовеет, годы не те, чтоб выгодный брак сделать или найти покровителя богатого. Уж как она осматривалась здесь в Мраморном дворце, – Елизавета Михайловна грустно усмехнулась. – Конечно, я понимаю ее. Ей бы такой пухлый денежный мешок, как князь Орлов, пришелся бы теперь очень кстати. Не понимает она, как меня вовсе его сбережения не трогают, а заботит лишь здоровье одно. Только я полюбила Алехана, когда он в твоих годах поручиком Преображенского полка при государыне Елизавете служил, и всех сбережений у него были рубаха нательная и кафтан казенный. Я тогда расчетов не делала, их за меня государыня сделала, выда-

ла за твоего деда, я и не горевала за ним. Хоть сердцем помнила Алехана, — она посмотрела в окно, и Денис заметил, как глаза ее подернули слезы. — А куда уж мне поворачивать свою судьбу, вот дождалась, пока она сама повернулась. Но ведь не кидалась в ноги государыне Екатерине Алексеевне, как Дениса Петровича не стало, — она резко обернулась, — мол, помер муж мой, устрой мою судьбу, матушка, скажи Алехану, пусть на мне женится. Хоть он говорит теперь, что и согласился бы тогда, а как бы показалась я собственной совести — тело мужа еще не остыло, а я уж на богатые орловские караван рот разинула? Нет, увольте. Что оставил мне Денис Петрович в наследство, тем и довольна была. Я б и теперь с места не тронулась, коли б Алексей Григорьевич не занемог смертельно. Да и тебе сколько раз говорила, — напомни-ла она, снова усаживаясь на канapé, — не лезь к Орловым, пока собственным умом или смелостью не выделишься. Но уж в том, что Анна тебя сразу заметила и к себе привлекла, — в том я только господне провидение вижу, — Елизавета Михайловна вздохнула и замолчала, размышляя. Потом продолжила грустно: — Для Анны Александровны племянник ее князь Петр Иванович тоже — только блестящая обертка, слава его греет, а проку с нее много нет. Никакой надежи ей в старости на Петрушу. Вот начнется новая война с Бонапартом, не приведи Господь, — Елизавета Михайловна перекрестилась и поцеловала образок, приколотый брильянтовой брошью к груди, — найдется для Петруши пуля, все и за-

кончится. Слава-то останется, да она тоже многого дохода не принесет. Ну, поставят памятник, ну, оплатит государь часть долгов, а то и все долги поначалу, только ж у него просителей много, а казну и на иные заботы употребить надобно. На что дальше-то жить? Так что все надежды свои связывает Анна Александровна с мадемуазель Алисой. Ее надобно выгодно замуж устроить, тогда и спокойно можно поджидать старость. Все я понимаю, все понимаю, что мне не говорят, — Елизавета Михайловна встала и снова взволнованно заходила по комнате, — для того ее и в Петербург привезли, чтоб показать, а вовсе не пению учить, и уж тем более не затем, чтоб после в Италию на государеву стипендию на учение отправить. Это все красивый, блестящий флер. Может, и поедет она в Италию, я не спорю, но только на самый худой конец, если жениха подходящего себе не найдет. А кто нынче в завидных женихах ходит? В первом числе мой внук, Денис Олтуфьев, — Елизавета Михайловна усмехнулась, — то-то, не дожидаясь моего приглашения, они первым делом к нам на Адмиралтейский нагрянули, якобы пение свое там показывать, да об обучении дальнейшем с Сашенькой попросить. А вот ты спроси у матушки своей, у Натальи Владимировны, ездит ли Алиса заниматься с твоей сестрой к итальянскому педагогу синьору Бьянчоли? Уверена, что нет. За занятия же платить надо, и дорого. Они бы и потратились, коли бы ты жил на Адмиралтейском, — продолжала она возбужденно. — Не пожалели бы денег, чтоб перед твоими глазами елозить и

прелесть Алисину показывать. А как узнали, что съехали вы со Львом на Галерную в квартиру, так у них и интерес пропал. Сперва они за Левушку схватились, он им первый попался, но уверена, Анна Александровна выяснила по своим связям, что ничего Лев наш от батюшки своего не получит, все сестрам его завещано в приданое, а Льву самому указано богатую невесту искать. Так они его оставили в покое.

– Ба, я не могу поверить, – Денис сел в кресло и сжал ладонями виски. – Неужели, все подстроено, неужели Анна Александровна, такое благородное, цельное создание способно на подобную низость? Неужели и князю Петру Ивановичу все известно?

– Вот уж Петрушу сюда не тяни, – Елизавета Михайловна строго одернула его. – Уверена, что он ни сном ни духом не ведает о замыслах своих родственников. Я даже предполагаю, что Петр Иванович будет возмущен, когда узнает о них. Более того, я думаю, что приезд Алисы в манеж – ее собственное решение. Уж больно простенько все сделано. Возможно, Анна Александровна и не знала ничего о задумке своей воспитанницы. Зато она хорошо может сообразить, как эту задумку продолжить с толком, как ей воспользоваться. Вот тут уж у Анны Александровны руки развязаны. Вроде и не она затеяла все, а прок будет. Вот что, Денис, – бабушка подошла и обняла Дениса, прислонив его голову к себе. – Обещаю, что сумею защитить тебя и Анну от всех этих расчетов. Я сама поговорю с Анной Александровной, но если не подействует,

то тогда придется обратиться к матушке твоей Наталье Владимировне. Уж она никакими дружескими узами не связана, церемониться не станет. Не хуже Голицыных понимает, как выгоду для семейства своего устроить и сыну своему приданое побольше взять. Ее на томных взорах, жалостливых вздохах и ангельском пении не проведешь. Ну, а не совладает Наташа, сама отправлюсь к князю Багратиону или попрошу Алексея Григорьевича поговорить с ним. Только ты, Денис, всякую ненужную благородную позу отбрось нынче, – предупредила она строго. – С дружкой своим Бурцевым поговори, он с тобой под пулями был, делил хлеб в походе. Даже если не видел Алису, что ему стоит сказать, что он ее видел. На дуэль его за это никто не вызовет. Может быть, и не потребуется свидетельства его. А если какой лакей с попустительства Анны Александровны Алису попортит, так уж тут, считай, все пропало, любое средство хорошо станет. Я не исключаю, что придется Марфушку ту либо припугнуть хорошенько, чтобы она в затее барышни своей призналась, либо даже выкупить ее у Голицыных с переплатой, чтоб не тряслась за собственную шкуру.

– Если Алису лакей попортит, как же они ее дальше замуж выдавать станут? – спросил Денис ошеломленно. – Так же всю жизнь покалечат.

– Если Анна Александровна решится на подобное, – ответила бабушка, – то уж ни за кого, кроме тебя, они ее не отдадут. А чтобы своего добиться, в ноги падут государю импе-

ратору, вымажут грязью и тебя, и все семейство наше. Только один удерж у них – это князь Петр Иванович. Пока он жив, очень надеюсь, что ни на что подобное они не отважатся. Князь их не поддержит, ни при каких обстоятельствах. Он видел своих офицеров в боевом деле, знает, кто чего стоит, его не обманешь. Но с Бурцевым ты на всякий случай сговоришься, и с Каховским, – попросила она. – Лев-то наш родственник, с ним легче. Но и на Лешку твоего я тоже очень надеюсь.

– Чтоб трем офицерам свидетельствовать против прелестной дамы? – Денис никак не мог смириться с тем, что он услышал.

– Ну не свидетельствуй, – рассердилась на него Елизавета Михайловна. – Коли ты так благороден, чист, суй голову в наковальню. Откажись от Анны, от своей любви к ней. Женись на Алисе, исполняй ее прихоть, а заодно и денежки отцовские да дедовские ей носи. Только я твоему отцу и матушке сказала уже, и тебе скажу: помните, состоянием Олтуфьевским еще ни они, ни тем более ты не владеете. Денис Петрович все мне оставил по завещанию, я распределяю, кому и сколько выделить на нужду. Уж когда помру – все ваше будет. Так вот, – она погрозила Денису пальцем. – Влезешь в ловушку к Голицыным, так и знай, жить с Алисой будешь только на офицерское жалование свое, в квартире на Галерной или еще где. На Адмиралтейский и ногой не пущу. Дом этот мой, мне от отца моего, светлая память ему, достал-

ся. — Елизавета Михайловна осенила себя знамением. — Вот и вовсе его продам. А деньгам найду применение, на Аннину хирургическую академию пушу, и то толку больше будет. Я ведь тебя не зря спрашивала, расположен ли ты к Алисе, изменило ли чувство твое к Анне ее неверность, — напомнила она. — Ты меня уверял, что нет. Будь по-иному, питай ты к Алисе хоть каплю искреннего расположения, и мое бы отношение было другим. Но угрождать тебя попасть в силки, которые поставлены из холодного расчета, без всякого чувства своего и взаимного, — на это я, внук, не могу согласиться, не при каком условии. Так что не мучь себя пустыми размышлениями, — заключила она. — Поезжай к друзьям по увеселению своему. Но сам сосредоточенности не теряй и друзьям своим укажи, как верно вести себя. Понял меня? — Она поцеловала внука в лоб. — Понимаю я, Денис, — проговорила, вороша его мягкие, волнистые волосы, — размолвка, что случилась между тобой и Анной, нелегка. И очень уж долго нет ее, ждать трудно. И непросто будет все поначалу, как она приедет. Но только поверь моему сердцу, внучок, все наладится. Ну, уж никто не убедит меня, что дочь князя Орлова способна уехать из России, увлечься якобинством, как бы там великолепно и умны ни оказались генералы этого Бонапарта, да и он сам, к слову. Анна же не графиня Скавронская, жена нашего Петра Ивановича. Ей муж — не муж, государь император — не государь император, Россия Матушка — не матушка вовсе, а хуже мачехи. Ничего у нее своего нет за

душой. Даже гроша ломаного. Все живет на чужой счет, в чужих домах, чужим умом. Уж до такой низости скатилась, что жаль Петра Ивановича, развестись бы ему с ней. Только для того факт измены ее подтвердить нужно, а кто же его подтвердит? Не иноземцы же, их свидетельства синод не примет. Да Петр Иванович и не желает излишней суеты вокруг своего несчастья семейного поднимать. Но так то ж Катька Скавронская, – Елизавета Михайловна отстранила Дениса и заглянула ему в лицо. – Анна же не такова. Что ж, по молодости лет у всякого бывает, голова закружится, тем более от французского, вина ли, духов ли, генерала ли какого. Чего в том удивительного? Только Анна не способна судьбу свою с французом связать и жить на чужбине, потухнет сердечко ее без всего русского. Нашей, родной она кровиночки. Может, и мила ей свобода иноземная, да своя несвобода всяко лучше. Ты же, Денис Васильевич, послушай совета моего. Зря, по-пустому, Анну проступком ее кори. Ты лучше для нее благородство свое побереги, чем перед Голицыными рассыпать его. Думаешь, не знал дед твой Денис Петрович, что люб мне Алехан, не видел, как против всякой воли собственной бледнею перед ним, только явится. Знал и мог себе вообразить, что заблагорассудится. А ни разу в жизни не спросил, не попрекнул никогда. А говорила ему тетка его, злющая она была: «Гляди, Дениска, Алехан Орлов красивый мужик, видный. Хоть он тебе и друг, а берегись его. Положит тебя Лизка под лавку, наставит рога». Но видит бог, была я

деду твоему верна и со спокойным сердцем смотрела в глаза, когда он в путь последний свой собирался, – она вздохнула, вытащив платок из пышного рукава платья, прижала его к щеке, промокнуть слезинку.

– Елизавета Михайловна, – послышался из соседних помещений голос Строганова, – ты бы нам чайку с Алексей Григорьевичем поднесла, или чего еще и покрепче, а то так всех нынче призрак капитана Новикова пугает, что я даже опасюсь отправляться восвояси, вдруг увижу его по дороге. – Мягко ступая бархатными туфлями, Строганов появился в дверях, оправляя фалды темно-фиолетового сюртука. Потом поправил кружевное жабо рубашки и шелковый голубой галстук над ним. – Юноша еще здесь, – улыбнулся он, увидев Дениса, – спешите к юным красоткам, кавалергард, а Елизавету Михайловну оставьте нам, старикам, – пошутил он.

– Там Егор Кузьмич давеча из подпола настойки липовой достал, которую в Кузьминках изготавливали, – вспомнила Елизавета Михайловна, – хотела к обеду подать, да Алексей Григорьевич вина французского попросил.

– Вот и неси нам настойку ту, – Строганов нетерпеливо потер руки. – И закусить чего, грибочков, что ли, – попросил он. – А после, пропустив рюмочку, и к себе на Мойку ехать не страшно. Ну, встретится капитан Новиков, так и лады с ним, вместе поедem к Татьяне Дмитриевне! – весело усмехавшись, Строганов вернулся к князю Орлову.

– Разошелся, тоже мне, – недовольно покачала головой

графиня Олтуфьева. — Еще супружницу пугать надумал. Она уж и так пуганая, театром одним. Что ж, Денис, поезжай, — отпустила она внука. — Помни о наставлении моем. Но уж завтра к вечеру обязательно навести меня. Расскажу, чем беседа моя с княгиней Анной Александровной закончится, какой прок из нее выйдет.

— Хорошо, ба, — Денис поцеловал Елизавету Михайловну в щеку и вышел из гостиной.

— Лизонька, ты нам еще имбирной коврижки захвати, — услышал он за собой голос Строганова. Пройдя погруженный во мрак парадный зал дворца, Денис вышел на лестницу. Проникая сквозь неплотно прикрытые шторы, бледный лучик месяца над Петропавловской крепостью освещал купол собора святого Петра, выполненный мозаикой над пролетом. Казалось, он покрывал картину тонкой жемчужной пеленой, и она слегка мерцала. Наверху скрипнули двери, послышался стук каблучков по паркету и шорох женского платья. Это Елизавета Михайловна направилась черной лестницей в поварню, чтобы распорядиться об угощении. В просторном, отделанном мрамором холле, завернувшись в тулуп, дремал старый солдат Егор Кузьмич. Он сидел на лавке, прислонившись щекой к увитой бронзовыми цветами колонне. меховой картуз сбился набок. Старик похрапывал и жевал во сне губами. Увидев его, Денис невольно улыбнулся. Без сомнения, Кузьмич поджидал его, чтобы подать шинель. Но долгое отсутствие молодого кавалергарда утомило

старика. Он заснул на посту, сам, верно, не заметив. Шинель поручика так и лежала у него на коленях. Рядом на лавке Денис заметил и треуголку. Стараясь ступать как можно тише, Денис подошел к солдату, взял треуголку, снял с колена свисавшую до пола шинель и, быстро одевшись, вышел из орловского дома. Звякнув колокольцами, тяжелые двери затворились за ним. В лицо подул пронзительный, сырой ветер с Невы. Подняв воротник шинели, Денис вышел на Миллионную и подозвал караулившего неподалеку извозчика.

– В клуб, на Галерную, – распорядился он, усевшись в сани.

– Как скажете, барин, – кашлянув, откликнулся ямщик, – ну, пошли, залетные! – Лошади весело тронули с места. Мимо, покрытые голубоватым инеем, поплыли каменные громады домов, по большей части освещенные только фонарями у подъездов. Вскоре показался и дом княгини Гагариной, у которой остановился князь Петр Иванович Багратион и проживали мадемуазель Алиса с княгиней Анной Александровной. Перед домом по обыкновению стояло с десятков экипажей, верхние этажи были ярко освещены, было видно, как за шторами движутся серые силуэты посетителей. Кто-то беседовал в группке, прохаживаясь перед окнами, кто-то даже танцевал – на несколько мгновений в одном из окон появилась вальсирующая пара и тут же исчезла.

– Езжай скорей, – приказал Денис извозчику. Ему хотелось как можно скорее уехать от дома Гагариных. Теперь

воспоминания о вечере, состоявшемся здесь недавно по поводу чествования героев Аустерлица, вызывали у него раздражение и даже злость. Он сам удивлялся тому, с каким отвращением он думал теперь об Алисе, тогда как еще с утра у манежа восхищался ее прелестью и даже был склонен сравнивать ее с Анной. Игра Алисы, показанная ясно Елизаветой Михайловной, не вызвала у него сомнений, и он чувствовал презрение к ее хитростям. Теперь Алиса сравнялась для него с Наташей Чернышевой, упавшей в грязь на охоте, чтобы привлечь к себе его внимание. Сколь разительно обе они, в его представлении, отличались от Анны. Пусть Анна была неверна и изменила клятвам, которые они давали друг другу перед началом войны, но даже в грехе сколь искренне было ее раскаяние и переживание, когда она молила его о прощении в госпитале накануне Аустерлицкой баталии, что он не мог забыть об этом. Анна не просто извинялась, она надрывала себе сердце. Несмотря на обиду, терзавшую все его существо, он сочувствовал ей, иногда даже больше, чем самому себе. Анна ничего не играла, ничего не рассчитывала. Она увлеклась маршалом Ланном и открыто призналась ему в этом. Тогда ему казалось, что он никогда не простит ее. Теперь же он готов был простить и любить с прежней силой.

Глава 3

Фаворит государыни

Старик смотрел на снег, на бескрайнюю снежную равнину, расстилавшуюся перед ним. Он смотрел на снег в долгие, темные зимние месяцы, как и во все остальные... Смотрел на коричневатую водную гладь, плескавшуюся за окном его дома. Иногда ему казалось, что его убежище, полупустой дом на самом окраине земли, осталось единственным человеческим жилищем, и никого в округе больше нет. Нет и никогда не было. Только он, его прошлое, его память и бесконечная череда образов, населяющих ее пространство.

Он сам отправил себя в изгнание, он поселился подальше от людских глаз, потому что боялся. Он выбрал заброшенный замок на берегу залива из-за того, что со всех сторон здесь его окружала... пустота. Пустое, ровное пространство – вода и земля, больше ничего. Ни единого деревца, ни единого куста. Даже те, которые росли прежде, он приказал выкорчевать. Не потому, что он не любил деревья, – просто для того, чтобы не загораживали обзор.

Кроме того, что насаждения раздражали его, они таили в себе опасность, ведь за ними мог спрятаться «он», тот, которого старик боялся и ждал, ждал в осатанелом, нервном напряжении вот уже почти пятнадцать лет, или «они», которых

он также ждал со страхом.

За многие годы, проведенные в одиночестве, прошлая жизнь стала казаться ему сном. Да и была ли она на самом деле? Убежав из столицы, он не взял с собой ни единой вещи, которая напоминала бы ему о прошлом, он все бросил им, надеясь забыться вдали от светской суеты и празднеств. Но спрятавшись от людей, старик не спрятался от себя и от собственного страха.

Когда-то он очень гордился своей статью, красивым лицом и роскошью, в которой жил. Теперь же приказал убрать все зеркала, которые достались ему от прежних хозяев дома, чтобы они не напоминали ему о том, как бежит время. Да и о многом ином — тоже.

Страх, захватывавший его все сильнее, бессонными ночами навязчиво рисовал старику одну и ту же картину: в золоченой рамке зеркала ему виделись они оба, «он» и «она», его враги. Одетые в расшитые золотом одежды прошедшего века, они улыбались ему и манили к себе. Но это было только видение. Оба они уже давно лежали в земле, а он, несмотря на все трудности, все еще был жив. И они не возьмут его к себе, не заташат в ледяные хоромы смерти, где нынче властвуют безраздельно. Он знал, что вовсе не случайно они теперь являются по его душу. Они хотят свести полный расчет. И бесспорно — есть за что.

Одержимый жаждой властвовать над стареющей государыней, охваченный тщеславием и гордыней, он не желал ми-

риться с наличием грозного, заслуженного соперника, который пользовался у его монархини уважением, а в недавнем прошлом безраздельно господствовал в ее сердце. Он сделал все, чтобы избавиться от его присутствия. Сначала клеветой он добился ссылки, а там уж, вдалеке от глаз царицы, нашел верных людей, которые за хорошую плату ускорили в его интересах кончину ненавистного властелина.

Он думал тогда, что величие как амулет, сними его с мертвого, адень на себя, и сам станешь равным ему. О, первые мгновения возвышения, когда он, гвардейский ротмистр без роду без племени Платоша Зубов, почувствовал себя равным ему, правителю Новороссии князю Потемкину-Таврическому! Как были эти мгновения сладостны и быстротечны! До сих пор, вспоминая о них, он ощущал головокружение, словно молодость, забытая, брошенная как ненужный фант в канаву на обочине дороге, возвращалась и робким сердечным спазмом напоминает о себе. «Он», тот самый властелин, которого все тогда именовали не иначе как «сиятельнейшим», уехал из Петербурга в Яссы. Он желал быть поближе к армии, осадившей турецкую крепость Измаил, чтобы лично руководить штурмом.

Скучающая императрица прогуливалась по дворцу, и вот тогда он, юный секунд-ротмистр гвардии Платон Зубов, попался ей на глаза. Он стоял в карауле у парадной лестницы Зимнего, и его стать приглянулась ей. Императрица перегнулась через перила лестницы и шепотом позвала его:

— А ну, паренек, иди ко мне, я что-то тебе скажу...

В жарких объятиях пролетела ночь, а наутро императрица сняла с пальца драгоценный перстень, выгребла из стола ассигнаций на сто тысяч рублей, все это свалила перед ним и... выгнала.

— Возьми пока да иди, — отпустила без всякого интереса. Как он был унижен, как оскорблен. Ведь он мечтал уже, что свалит наконец-то одноглазого фаворита, займет его место. Но все оказалось не так-то просто. Прозванная Фелицей за проницательный ум, Екатерина умела отличить личную забаву от государственной нужды, умела отделить важное от второстепенного. Сколько пришлось ему посуетиться, поинтриговать, поунижаться перед самой царицей и ее вельможами, чтобы заронить в ней сомнение, сбить с толку, придать себе значимости. Скольких союзников привлечь на свою сторону, отдавая им тайком и деньги, и драгоценности, которые дарила ему за утехы царица. Уж все говорили, что в столице у государыни «зуб ноет», только Потемкин оставался спокоен. Светлейший словно и не замечал жалких потуг юнца, он насмеялся над ним. Обладатель полуцарства, он по утрам смотрел на турецкую крепость в подзорную трубу, одетый в бараний тулуп, под которым на голом теле болталась холщовая рубаха до колен, а на пальце у него сверкал бриллиант величиной, что дорожный камень под ногой. И хотя не то что при дворе, в свите самого князя все намекали друг другу, да и светлейшему самому, что влияние нового любим-

чика царицы становится все ощутимее, прежний фаворит и ухом не вел, словно его это и не касалось – настолько был уверен в себе. Как уж выходил из себя от его спокойствия Платоша! Ему, молодому и горячему, приходилось ублажать вялое старческое тело монархини, расплывшееся с годами. Он беспрестанно хлопотал о ее больной пояснице, подносил грелку для суставов, веселился с ее внуками, на которых, по правде сказать, и глядеть не мог, так они его раздражали. А главное, он постоянно твердил венценосной старухе о своей пламенной страсти и по совету старого своего покровителя Салтыкова клеветал на светлейшего. Мол, вот Потемкин собирает под свои знамена казачьих атаманов. А казаки-то, они каковы, они вольницу любят. Только дай им спуск – явится из их рядов опять Емелька Пугачев, как пойдет по Руси новый бунт. Потемкин – это новый Мазепа, он опасен для трона, матушка, нельзя ему столько воли да силушки давать. Ох, поднимет мятеж, как пить дать! Берегись, матушка!

Салтыков знал, чем припугнуть императрицу. Он хорошо помнил ее растерянность, когда лучшие полководцы с большим войском, побеждавшим турок, не могли совладать с распоясавшейся крестьянской бузой, захватившей Урал и Сибирь. Помнил, как плакала она, уткнувшись в плечо тогдашнему своему любимцу Григорию Орлову, и причитала: «Ох, покарает меня боженька за грехи мои, ох, покарает!» Знал Салтыков, что не извелась пугачевская заноза в царицыном сердце, боится она бузы новой. Вот на том и играл, на

слабой струнке. А Платоша попугаем повторял его рассуждения. Волей-неволей императрица прислушивалась к любовнику, и он постепенно стал ощущать, что оказывает на нее влияние.

Конечно, Платоша прекрасно знал, что многие соратники светлейшего презирают его, называют за глаза «куртизаном». Насмежаются над его «прожекторами», которыми он норовил превзойти своего соперника. Хотя сами... Что они могли без Потемкина! Их самих он вытащил из неизвестности и возвысил. Чем они лучше Платоши? Насмешки порой доводили Зубова до дрожи, но до поры до времени он не показывал вида.

Чего только ему не приходилось придумывать, чтобы привлечь к себе внимание не только смазливym лицом, но чтобы и ум показать, оригинальность. Он и не спорил никогда, что его грызла зависть, не давала покоя сердечку. Он старался во всем потакать монархине. Он таскал за ней рескрипты на подпись, как верный домашний пес носит в зубах хозяйский сапог. Он рисовал ей политические перспективы, предлагая включить в состав империи Берлин и Вену. Старый граф Безбородко покатывался со смеху от его прожекторов, но он терпел. Этот трухлявый пенек, курчавый как пудель, не понимал, что он и на мгновение не верит в успех своих предложений, для него главное, чтобы государыня слушала его, смотрела на него, любовалась его красотой. Уверяя царицу в своей любви, он не гнушался на потеху ей целоваться с ее

шутихой, отвратительной беззубой обезьяной в юбке.

В конце концов он добился своего. «Светлейший», великолепный князь Тавриды, пребывал еще в зените своего величия, но основание его власти уже подтачивал червь предательства. Царица начала забывать прежнего фаворита, который долгие годы был ей не только возлюбленным, но и верным соратником. Он, Платоша Зубов, своими клятвами заставил Екатерину поверить в искренность своих чувств. Теперь он стал для нее не просто забавой, игрушкой, хорошеньким мальчиком с томными, карими глазами. Теперь ему дозволялось многое, почти то же, что и светлейшему. Он тешил себя мыслью, что во всем сможет заменить его, и старался подражать – возлежал в истоме на диване, поигрывая на флейте, принимал посетителей за туалетом в исподнем, часами просиживал перед зеркалом, любуясь собой.

Он знал, что вся придворная шваль, чутко схватывающая дворцовые перемены, уже давно смекнула, кто теперь завладел сердцем императрицы. Толпа приближенных Ея величества, ожидавших приема в его туалетной комнате с раннего утра, становилась гуще с каждым днем. Ему все больше преподносили подарков. Все чаще счастливчик, перехвативший в зеркале надменный взгляд фаворита, вспыхивал от восторга и принимал льстивые поздравления окружающих. Весь день он рассказывал об этом, как о большой удаче, и считался избранным.

Вскоре в толпе поклонников нового любимчика царицы

стали появляться и лица бывших друзей светлейшего. Так прибежал на поклон одописец Гаврила Державин, дом которого на Фонтанке примыкал к огромной усадьбе, подаренной Екатериной Зубовым. Сосед же – как не познакомиться накоротке? А уж дорожку в Таврический дворец Гаврила Романович мигом забыл и даже оду на взятие Очакова светлейшим сжег.

Но все же его положение при дворе не удовлетворяло Зубова. Оно оставалось непрочным. Он знал, что кроме него императрица посматривает и на других молодых офицеров. Так она уже распорядилась звать к себе и преображенца Мамонтова, бывал у нее в покоях молодой граф Ланской. Любой из них мог потеснить Платошу, тогда как светлейший, овеянный славой побед над турками и признанный государственный деятель, оставался незыблем. Куртизанов-то пруд пруди, а дельных людей мало. Екатерина прекрасно отдавала себе отчет в этом.

О том, что все воздвигнутое им здание собственного величия – не более чем колосс на глиняных ногах, Платоше объяснил визит, которого он ждал и боялся. Однажды на утренний прием к новоявленному фавориту явился не кто-нибудь, а князь Алексей Орлов, старший брат Григория Орлова и участник заговора, приведшего императрицу к власти. Великая победа при Чесме давно уже отошла в прошлое, ее затмили новые успехи адмирала Ушакова, но ореол славы вокруг Орловых не померк, он разгорался только пуще на фо-

не малосильных лилипутов, копошивших при троне на протяжении лет правления великой царицы. В присутствии этого высокого, горделивого красавца, перед которым, несмотря на давнюю опалу и отставку, по-прежнему кланялись все, от камер-юнкера до всесильного графа Безбородко, Платоша почувствовал себя мошкой. Все его возвышение предстало даже в его собственных глазах насмешкой и недоумением, что же тогда говорить о прочих. Орлов окинул молодого франта издевательским взглядом. Он не скрывал иронии, и Платоша, мгновение назад уверенный в собственном превосходстве над любой иной придворной тварью, скис, поник, смешался. Забыв, кто он есть, он привстал с кресла и под всеобщий шепоток недоумения тоже изобразил нелепый поклон, шаркнув ножкой в туфле с бантом.

Князь Орлов не поклонился ответно – орловская спина не гнулась перед каждым встречным. Он даже не удостоил нового избранника царицы словом. Посмотрел, усмехнулся и ушел. В тот же день, придя к императрице, он говорил ей с горечью:

– Като, вот уж не ждал я от тебя, что станешь ты кидаться на кого попало, на первого херувимного мальчишку. Неужели ты не видишь, Като, из тебя сделали дойную корову. Зубовы кормятся от тебя, а ты закрываешь глаза на их алчность, как будто тебя не касается.

Отец-то Платошкин прокурором в Сенат устроился через Салтыкова. За взятки скупает тяжёбые дела и без всякого

зазрения совести из неправды правду строит, да еще скрепляет твоим именным указом!

Императрица на упреки прежнего своего любимца молчала. Она прекрасно знала, что «мягкая игрушка» Зубов не выиграет для нее Чесменской баталии, что у Орлова были все основания корить ее за расточительство, за то, что потакала в прихотях молоденькому любовнику, пренебрегая государственной обязанностью. Но только слава Чесмы у нее уже была, она привыкла к ней, а вот от красивого тела фаворита отказаться никак не желала.

– Я не узнаю тебя, Като, – признался ей Орлов с горечью. – Откуда ж взялся этот клоп?! Иль раздавить его? Сама не справишься?

Клоп?! Да, он так и сказал, этот Чесменский герой, победитель турок и княжны Таракановой! Угодливые придворные передали Платоше слово в слово всю речь Орлова, и он почувствовал нешуточную опасность. Он понимал, что справиться с Алеханом, которому императрица обязана столь многим, ему не по силам. Как же тогда избавиться от Орлова? Покровитель Салтыков очень кстати подсказал Платоше верный путь. Избавиться от Орлова он может только хитростью. И преступлением.

И Платоша принялся за дело. Он играл чувствами императрицы с ловкостью заправской кокотки. Он то плакал, как ребенок, растирая кулаками слезы по щекам, то прыгал на одной ножке, резвясь. То лаял собачкой, то мяукал кошеч-

кой, то бегал на «четыре лапки и вертел хвостом», развлекая ненаглядную Фелицу. Все – впустую. Светлейший тем временем взял штурмом Измаил и заставил Османскую порту подписать мир, окончательно сделав Крым русским.

Конечно, Платоша не мог тягаться с таким успехом и всем нутром своим ощущал, как звезда Потемкина разгорается с новой силой, затмевая все его жалкие потуги. Он понимал, что ничего не может противопоставить им обоим – Орлову и Потемкину, что вместе они раздавят его. Наскучив его забавой, императрица наградит его поместьем да и сошлет туда, повелев больше никогда не появляться при дворе. Сколько таких фаворитов она отставила с презрением! Он мог сохранить свое могущество, только уничтожив обоих соперников. Но как? Вопрос этот вставал перед Платошей с пугающей неизбежностью. Но сам бы он никогда не додумался до верного решения. Ему опять подсказал хитрый интриган Салтыков.

Ловкий царедворец сообразил, что повалить таких колоссов, как Орлов и Потемкин, нельзя, их можно только... убить. И он даже придумал, как это сделать. Вдвоем, тайком даже от Платошкиных братьев, они составили заговор против прежних фаворитов. Но, наскучив пошлостью двора, Орлов, несмотря на уговоры императрицы, сам уехал в свое подмосковное имение Кузьминки.

– Пускай Като теперь рабыня этого мерзляка с тонким змеином ротиком, а я уж кланяться ему не буду, – усмехнул-

ся Орлов на прощание. — Поглядел бы Гришка из могилы, на кого она его теперь поменяла. Видали, он даже ручки прячет в муфточку, чтобы не обморозить.

Тяжко было вытерпеть Платоше издевательство Орлова, но куда денешься, нос не дорос тягаться. Стерпел... Исчез Орлов. Одним соперником стало меньше. Ну, а со светлейшим князем Таврическим все получилось куда хуже. Потемкин умер в степи от внезапного удара, как известили придворных. Салтыкову и Зубову удалось убедить всех, что произошел несчастный случай, светлейшему стало плохо, а врача рядом не оказалось. Все поверили, даже сама императрица. Точнее, все сделали вид, что поверили, всем было удобно поверить в это.

После смерти Потемкина наконец-то освободилось место, о котором мечтал Платошка. Теперь уж его не волновали новые увлечения императрицы молодыми франтами. Он занял пост Потемкина и обеспечил свое будущее уже не как хорошенький любовник царицы, игрушка на одну ночь, он добился назначения губернатором Новой России. Он подчинил себе сказочную Тавриду и мог бы уж успокоиться навсегда, если бы не одно обстоятельство.

Оно состояло в том, что от Потемкина у императрицы осталась дочь, Лиза. В отличие от всех иных отпрысков, рожденных Като в молодые годы от прежних фаворитов, Салтыкова, Понятовского, Орлова и прочих, Лиза жила при дворе в Петербурге. Позднее дитя, единственная дочь, появив-

шаяся на свет от мужчины, который значил для императрицы гораздо больше, чем просто возлюбленный, Лиза пользовалась особой благосклонностью императрицы и ни в чем не знала отказа. К тому же с самых ранних лет ее связывали нежные чувства со старшим внуком Екатерины, великим князем Александром.

Постоянно оставаясь при матери, Лиза не могла не знать о всех ухищрениях Зубова, которые он предпринимал с целью уничтожить влияние ее отца. Она ненавидела Зубова всеми фибрами души, и он отчетливо понимал, Лиза – это враг, это сильный враг. В пронзительных зеленых глазах юной княгини он безошибочно читал осуждение и ненависть. Он догадывался, что ей прекрасно известно, от чего умер ее отец. Лиза знала наверняка, что князя Потемкина убили, и в глубине сердца затаила желание отомстить убийце. Она только ждала случая.

Еще не утратив влияния на императрицу, Платоша постарался удалить княжну Елизавету от двора. Он нашел ей жениха, престарелого князя Святозарова, постоянно живущего в деревне, и убедил Като, что это лучший претендент на руку ее дочери. Но этот бабушкин выкормыш, этот женоподобный зануда Александр даже и слышать не желал о разлуке с Лизой. Он приложил множество усилий, чтобы расстроить сватовство, и они не пропали даром. Более того, князь Святозаров исчез. Пропал на старом новгородском шляхе, по пути в Петербург, и у Зубова были все основания предполагать, что

его намеренно похитили и лишили жизни. Кто? Даже смешной вопрос. Конечно, гвардиолусы и их предводители!

Новгородские земли испокон века кишели вольными разбойниками, самые удачливые из которых, Орловы, выбились в российские князья, снискав славу при дворе и в сражениях. Орловы не утратили в Новгороде своего влияния, в этом Платоша Зубов был уверен. Они и расправились со Святозаровым, спрятав, как говорится, концы в воду, в прямом и переносном смысле.

Обозленный Платоша готов был на стену лезть в бессильной ярости. Но успокоившись слегка, начал готовить другой ход. Он стал уговаривать Като поскорее женить великого князя Александра, подобрав ему самую красивую в Европе невесту. Он очень надеялся, что рядом с молодой женой великий князь позабудет о Лизе. Но опять не вышло. Александра женили, но Лизу он не забыл. Она по-прежнему имела на него влияние, и немалое.

Страшные, роковые дни для бывшего фаворита Платона Зубова начались даже не тогда, когда Екатерина Вторая умерла, а на трон взошел ее сын, император Павел. Многие из приближенных императрицы стонали тогда, что государыня не успела подписать манифест, по которому власть передавалась не сыну ее, а внуку, великому князю Александру Павловичу. Все боялись воцарения Павла. И только Платоша Зубов радовался. Радовался, что на престол взошел Павел.

За себя Платоша не боялся. Богатства свои, вытянутые из

императрицы, он надежно припрятал, пожить у Платоши было на что. Заключение в Петропавловскую крепость он очень надеялся избежать, и на то у Зубова имелись резонные расчеты. Конечно, то, что он был одним из последних фаворитов ненавистной матушки нового государя, почета ему не добавляло. Но и не умаляло ничего. Он же среди последних был, а не среди первых. Значит, к столь болезненному для государя событию, как тайное устранение от трона его отца императора Петра Федоровича, отношения не имел. Чист. Станет ли Павел на него время тратить, когда у него еще два брата Орлова, участники того дела, имеются. Он с ними расправится сперва. Потом черед Потемкиных настанет, а потом уж Зубовых. Может, уж и успокоится государь, насладится местью вдоволь, пока до Платоши очередь дойдет. Что греха таить, бывало, язвил он наследному принцу, бросали они друг другу колкости, так разве ж это счет, по сравнению с убийством.

Потому, в отличие от Орловых и многих иных, приехал Платоша кланяться новому императору одним из первых. Он даже рассчитывал оказать государю поддержку. Но Павел идти на компромисс не пожелал, отправил матушкиного любовника вон несолоно хлебавши. То, что Платоша легкомысленно почитал колкостями, для Павла равнялось оскорблению. И он хорошо помнил высказывания наглого гвардейского офицера, которому уж вовсе было непростительно попрекать великого князя и насмехаться над ним, ведь он

даже и восстания Пугачева не подавил, как Орлов, и Тавриду не присоединил, как Потемкин, а просто бултыхался в постели, получая при том деньги за свою услугу. Куртизан — он и есть куртизан, какой из него советчик да друг. Намеки же на интимную близость, которую Платоша не постеснялся предложить императору, и вовсе вызвали у Павла ярость.

Увы, расчеты Зубова управлять новым императором, как он управлял его матерью, не оправдались. Император прогневался, и Платоша предпочел отъехать в имение, до поры до времени. Там он чувствовал себя спокойно, а вести, доходившие из столицы, его даже радовали. Наконец-то Платоша дождался настоящего унижения своих соперников Орловых и Потемкиных. Прибывших из столицы знакомцев он по много раз просил пересказывать ему о том, как император призвал из Москвы Алексея Орлова и заставил его самостоятельно нести на плечах гроб с останками его отца, государя Петра Федоровича, чтобы перезахоронить того в Петропавловском соборе.

Платоша пришел от этого события в неопишуемый восторг. Он упивался подробностями и смаковал их. Он хохотал, как безумный, услышав, что дочь Орлова княжну Анну государь повелел выдать замуж за своего брадобрея, и она постриглась в монахини. Лизу же Потемкину, несмотря на любовь к ней старшего сына, император Павел Петрович отправил в заключение в Кронштадтскую крепость, и там у нее родился мертвый ребенок.

«Так им и надо, так и надо!» — веселился Зубов и тщательно осматривал в зеркала свою внешность. Он очень надеялся, что его время вот-вот настанет вновь, и он явится ко двору, чтобы возвыситься над прежними врагами. Ведь император не устоит перед его мужской красотой. Какая разница — мужчина или женщина. Он был готов на все, на любое извращение ради роскоши, власти, благоденствия. Но Павел оказался крепким орешком. Зубова он так и не приблизил к себе, а, напротив, наслушавшись рассказов о его мужеложеских забавах, сослал подальше. Так рухнули надежды Плато-ши на новое восхождение к престолу.

Однако настоящим крушением для Зубова оказалась не власть императора Павла, как для многих екатерининских вельмож, а ее конец. Переворот 11 марта 1801 года, внезапная смерть Павла Первого и коронация молодого императора Александра потрясли Плато-шу и смертельно испугали. Он вовсе не поддерживал всех этих горячих гвардейских смельчаков, которые постоянно твердили о том, что при Александре все снова станет так, как при его бабушке. Может быть, для кого-нибудь и станет, только не для Платоши Зубова. Он знал, что оба его брата Николай и Валериан активно участвуют в заговоре против Павла Петровича. Он отговаривал их, но все напрасно. Они не понимали его опасений, потому что так же, как все, думали, что князь Потемкин умер своей смертью. Они вообще не помнили о Потемкине, их не волновали обстоятельства его конца. Зато Платошу все это трево-

жило очень. Он знал, что он отравил Потемкина. И он знал, что есть еще один человек, которому это известно, — дочь Потемкина княгиня Елизавета Григорьевна. Издевательства императора Павла не сломили ее, она выжила в Кронштадтской крепости, более того — выжил ее сын, рожденный от великого князя Александра, ставшего теперь императором. После всех перенесенных испытаний чувства Александра к Лизе только укрепились, их объединял малыш, которому тоже дали фамилию Потемкин. Влияние же княгини на молодого императора стало просто огромно, она фактически заменила собой императрицу, об этом говорили повсюду в Петербурге.

Для Платоши Зубова такой оборот событий означал катастрофу. Через десять лет после смерти Потемкина он вдруг понял, что кары за содеянное ему не избежать. Прошное никуда не исчезло, оно настигало его с ошеломляющей быстротой. Его преступление стало еще более очевидно, еще более устрашающе, чем казалось прежде, потому что он остался беззащитным перед ним. Теперь уже не было рядом Като, готовый выполнить любой каприз любимчика, не было папочки, члена сената и прокурора, который всегда предупреждал и защищал от беды, если было нужно, не было восторженных поклонников — никого не было. Оставались только гнетущая память и страх, поглощающий все его существо.

Он знал доподлинно, что княгиня Потемкина не забыла о нем. Она наверняка помнит, как он усмехался, глядя в ее

заплаканное лицо, когда она на коленях молила мать отпустить ее к отцу в Яссы, как будто чувствовала, что над князем нависла опасность, и еще надеялась ее отворотить. Он даже подозревал, что ей известно, каким ядом он отравил Потемкина и кто доставил князю этот яд. Он проклинал себя, что дожил до времени правления Александра, когда Потемкины снова забрали себе безграничную власть, когда ничто не помешает им теперь расквитаться сполна со всеми, кто когда-то высказывал непочтение светлейшему, а уж тем более поднял на него руку.

Оба брата Платоши, Николай и Валериан, после коронации Александра Первого находились в Петербурге. Они писали, что были обласканы новым государем, что княгиня Потемкина вполне радушно принимает их у себя в Таврическом, и звали Платошу вернуться в столицу. Но Платоша-то понимал, что оба его брата имеют гораздо больше возможностей заслужить расположение молодого императора, чем он сам. Николай был женат на дочери генералиссимуса Суворова, Наталье, с которой княгиня Елизавета Григорьевна выросла бок о бок при дворе. Валериан же, далекий от интриг двора, довольно долго служил в молдавской армии Потемкина, участвовал в штурме Измаила и даже был награжден. Посчитав брата завистником и конкурентом себе, Платон сам настоял тогда, чтобы Валериан уехал к войскам. Теперь же оба они снова оказались в почете, а он — в изгнании.

Ничуть не меньше, чем воцарение Александра Павлови-

ча, Платошу напугало возвращение в Петербург князя Орлова. Как оказалось, он вовсе не умер в Петропавловской крепости, как говорили, а бежал в Италию и даже принял участие в итало-швейцарском походе Суворова. Теперь же он снова явился ко двору и был принят, даже возвышен, государем.

Итак, в столице все возвратилось на круги своя, и только он, Платон Зубов, не смел появиться туда. Это вызывало недоумение, даже обижало. Но что особо тревожило и задевало – никто его в Петербург не звал. Потемкины и Орловы снова правили бал, а он, Зубов, оставался в ссылке. Высокомерие и гордость, которых всегда имелось у Платоши в избытке, не давали ему покоя. Сначала он терпел молча. Даже уговаривал себя, что рано или поздно император наскучит Потемкиной, фаворитка сменится, и тогда снова настанет его, зубовское время. Он строил планы, как соблазнит супругу молодого государя, императрицу Елизавету Алексеевну, и через нее восстановит свою прежнюю власть над обществом. Некоторое время эта удачная мысль вдохновляла Платошу и придавала ему смелости. «А что если и впрямь действовать через императрицу Елизавету, чтобы свергнуть другую, ненавистную фаворитку Елизавету», – рассуждал он, любясь собственной красотой в зеркале. Увы, находясь вдали от Петербурга, Платоша не отдавал себе отчета, насколько его планы лишены оснований, сколь мало влияние императрицы на супруга и сколь он равнодушен к ней.

Окончательный слом наступил через четыре года после восшествия Александра на трон. В столицу Платошу так никто и не позвал. Но однажды он получил от своего брата Валериана очень тревожное письмо. Тот написал, что слышал в гвардии разговоры, будто Платона Зубова хотят найти. Но для чего – выяснить не удалось. Разговоры исходят не от государя и его окружения, а из среды гвардейских офицеров и ведутся тайно. Прочитав письмо, Платоша похолодел.

Если Валериан и не распознал деталей, то сам Платоша прекрасно понял все. Вот она – тайная расплата Потемкиных и дружных с ними Орловых за убийство светлейшего. Они хотят расправиться с ним, как когда-то расправились с несчастным князем Святозаровым, несостоявшимся мужем княгини Лизы. Они хотят убить его тихо, без ведома императора. Нагрянуть в его дом, связать и утопить в озере. Кто его защитит, кто хватится? Ну, помер бывший фаворит императрицы и помер себе, пусть покоится с миром, под землей. Или под водой. Все концы спрятаны. Кто убил, когда убил – и интересоваться некому. Да и кто посмеет? Да, не напрасно он испугался, когда Александр взошел на трон. Потемкина ничего не забыла, ей наверняка известно, в каком имении он теперь проживает, и она вполне может расправиться с ним, используя старую, надежную орловскую и потемкинскую силу – гвардию. Это там, в гвардейской казарме, из которой вышел и он сам, всегда находятся молодцы, чтобы кого-то свергнуть с престола, кого-то посадить на престол, ко-

го-то незаметно убрать с дороги, а кого-то возвеличить. Он и сам действовал таким же образом, выступая ловцом, а теперь пришла его очередь сделаться жертвой.

Осознав все, Платоша пришел в отчаяние. Его жалкое положение усугубила внезапная, необъяснимая болезнь, которая почти на полгода приковала бывшего фаворита к кровати и покрыла незаживающими гнойными язвами его красивое лицо, которым он так гордился. Платоша стал бояться солнечного света, он стремился в холод, его постоянно преследовал жар. Теперь бывший любимчик царицы Като не выходил из темного, нетопленного помещения, на улицу не появлялся, а если доводилось разъезжать по неотложным делам, появлялся только в полотняной маске с прорезями для глаз.

Увидев после болезни свое отражение в зеркале, он в ярости разбил его, а потом повелел убрать все зеркала из дома. Он не сомневался, кто навел на него порчу, и проклинал Потемкину в припадках, граничивших с безумием. Тем временем болезнь бывшего фаворита принесла неожиданные осложнения. Платоше стали являться видения. Бессонными ночами перед ним вставали образы императрицы и светлейшего. Они держались за руки и осуждающе качали головами. Он слышал их голоса, тихие, сухие, потрескивавшие, словно шелест осенней листвы под ногами: «Ай-ай-ай, Платоша, ай-ай-ай, капризуля, за что ты так с нами обошелся, а?»

Видения преследовали Зубова, доводя его до сумасше-

ствия. Он метался в бреду. Вытаращив невидящие, гноящиеся глаза, бросался в припадке с лестницы, пытался избавиться от плывущих за ним теней, бросая в них стульями, письменными приборами, всем, что под руку попадет. Экономка Зубова, бывшая его любовницей, разыскала в окрестных деревнях старца-ведуна, лечившего колдовскими травами, и привела его к хозяину. Тот наложил опальному фавориту припарки, делал наговоры, посыпал болезного золой. Лечение помогло, раны на лице зажили, оставив, правда, заметные шрамы, глаза стали видеть, видения отступили.

Зато усилился страх. Теперь уже не Като и князь Потемкин, гвардиолусы в мундирах времен Екатерины являлись несчастному Платоше и забрасывали над его головой веревку. Он просыпался с криком, в ужасе и дрожи. Безотчетный, панический страх захватил все существо Зубова и в конце концов согнал его с насиженного места. Покинув хозяйство и экономку заодно, бывший всесильный любимчик бросился в бега, меняя одну усадьбу на другую, пока не очутился на пустынном берегу моря, в давно заброшенном доме, хозяева которого умерли.

Этот дом приглянулся Платоше тем, что вокруг него не было никакой растительности – только море с одной стороны и песчаные дюны с другой. Даже редкие деревца он приказал срубить, чтобы за ними не спрятались гвардиолусы, которые приедут его вешать или душить. Только здесь, укрывшись в полуразрушенном доме, как в норе, Платоша немного успо-

коился. Он был уверен, что в этом заброшенном месте княгиня Потемкина еще не скоро найдет его. По крайней мере он принял все меры предосторожности.

Он снял усадьбу под вымышленным именем графа Ланскаронского, и дочери светлейшего еще придется потрудиться, прежде чем рассекретить его место пребывания. Вспомнив о прежнем гвардейском быте, когда изнеженному фавориту многое приходилось делать самому, Платоша не брезговал обслуживать себя и даже готовил еду из продуктов, которые ему привозили из соседней деревни.

Нанять прислугу Зубов боялся. Он хорошо помнил, как сам нередко пользовался услугами горничных или лакеев, чтобы собрать необходимые сведения об их хозяевах.

Целые дни, в любое время года, проводил Платоша на ногах. Он смотрел в окна. То с одной стороны, то с другой поглядит – не едут ли за ним экзекуторы. Но вокруг царили пустота и тишина. Тогда, накинув крытую зеленым бархатом соболью шубу, подарок императрицы, бывший фаворит пускался в путь по открытой круглой галерее, венчавшей центральную башенку дома.

Галерея была коротка, шагов с пятнадцать, не больше, но Платоша так долго ходил по ней туда и обратно, что набирал расстояние верст в пять, пока уж не падал от усталости. Когда темнело, он наглухо запирали все окна и двери дома и направлялся в небольшую келью, которую устроил для себя под крышей. В квадратной комнатке было одно маленькое

оконце, закрывавшееся ставнями, и только одна дверь, к которой снизу поднималась крутая винтовая лестница.

На первом этаже располагались просторные залы, украшенные янтарными и сердоликовыми панно, но Платоша редко заглядывал в них. Большие помещения, соединяющиеся между собой множеством дверей, пугали его. Он не замечал ни искусной выдумки художников в инкрустациях, ни оригинальной выделки паркета, ни полукруглых венецианских окон с изящной золотой вязью по цветным стеклам. Старинная мебель, выполненная из черного мореного дуба, и вовсе приводила его в ярость. Бывший фаворит думал лишь о том, что появившись, не приведи Господь, в его убежище гвардиолусы, посланные за ним княгиней Потемкиной, им будет очень удобно спрятаться в нишах этих больших окон и за массивной обстановкой. Они устроят ему засаду, подкараулят и... все. Схватят, задушат платком, как несчастного императора Павла Петровича и его папеньку Петра Федоровича, кто-кто, а гвардейцы умеют это! Нет, в больших, просторных комнатах Платоша не чувствовал себя в безопасности. Он даже подумывал, не сжечь ли всю эту мебель вовсе, чтобы залы остались пустыми. По крайней мере, так ему будет спокойнее. Во всяком случае, занавеси с окон он сдернул и не жалел об этом.

Каждый вечер, перед тем как спрятаться в свою нору, и каждое утро, только спустившись из нее, Платоша проверял замки на дверях и щеколды на оконных ставнях. Он

придирчиво осматривал каждую царапину, не пытался ли кто-то ночью открыть их, чтобы пробраться в дом. В своей комнатке, приглянувшейся бывшему фавориту тем, что из нее через окно на крышу вела небольшая подвесная лесенка, Платоша искал спасения от преследовавших его страхов. Лесенка осталась от прежних хозяев. Платоша не один раз попробовал ее и убедился, что она достаточно крепка и прежде скорее всего служила кому-то из хозяйских сыновей, проживавших в комнатке, чтобы незаметно для прочих исчезать со своей половины дома и пробираться крышей к горничным для ночных забав. Платоша удостоверился самостоятельно, что если воспользоваться лесенкой и пройти по крыше, попадешь в комнату прислуги в противоположном крыле здания. Вся эта конструкция вовсе не удивила Зубова. Он и сам в юном возрасте, живя в родительском доме, пользовался разными ухищрениями подобного рода, чтобы тайком от матушки развлекаться с прислугой. Теперь же прежний опыт, как он считал, весьма оказался пригоден. Не утратив с годами гибкости и смелости, присущей гвардейским воспитанникам, Платоша несколько раз бесстрашно проделал путь по крыше из своей кельи до комнаты прислуги и обратно. Проведенными опытами бывший фаворит императрицы Като остался вполне доволен. С издевательской насмешкой он воображал себе, какой неожиданный «подарочек» преподнесет посланцам княгини Потемкиной, появившись они к нему. Каждый вечер, взобравшись в свою «голубят-

ню», как Платоша называл собственный апартамент, он первым делом тщательно запирает дверь и просматривал связку ключей от прочих комнат, желая убедиться, что воспользовался каждым из них, ни одного не забыл. Для верности с утра он капал на каждый ключ капельку воска, а вечером проверял, если воск оставался, значит, он забыл проинспектировать какое-то помещение, если нет – все обошел. Как правило, воска на ключах не было. Платоша добросовестно исполнял обязанности по соблюдению собственной безопасности.

Проверив ключи, Платоша занавешивал окно конской попоной, чтобы не дуло, зажигал свечу и подтаскивал к окну большой сундук, на котором обычно спал. Сундук был старинный, выдолбленный из дерева и обитый железом. К тому же в нем хранился оставшийся от прежних хозяев хлам: проеденные молью вязаные ноговицы и шарфы, побитые подсвечники, толстенные книги религиозного содержания в кожаных переплетах, украшенных серебряными гвоздиками, еще много всякой всячины. Туда же Платоша сложил и собственные вещи, которые привез из усадьбы. Кроме сундука, в комнатке еще имелись два кресла и стол на трех ножках, приставленный для прочности к стене. Пол покрывали пыльные полосатые циновки. В углу, украшенная темно-коричневыми изразцами, возвышалась печка с четырехгранным дымоходом. Конечно, куда уютнее и теплее было бы Платоше поставить сундук поближе к печке. Но страх, властвовавший

над ним, диктовал бывшему фавориту свои условия. От печки еще пока добежишь до окна, пока сорвешь завесу, пока само окно раскроешь, гвардиолусы уже успеют и дверь с петель снести – с них станется, – вдруг Платоше не хватит времени? А так, хоть и попрохладнее под самым окном лежать, а все надежнее. Чуть что, застучат шаги, загремят по деревянной лесенке шпоры, а Платоша прыг в окно – и был таков. Ищи его свищи! Ради такой безопасности можно и прохладу потерпеть. Тем более что дров полно, да и мебели-то в доме предостаточно! И в меховых одеялах у Платоши недостатка не было. Очень уж нравились молодому гвардейцу длинные собольи и лисьи шубы, которые поставляли к императорскому двору с Урала и из Сибири графы Строгановы. Как увидит Платоша разложенное перед императрицей пушистое богатство, отливающее серебром в свете люстр, так сразу глаза его загораются, ручки чешутся. Так бы и схватил все, да перед царицей боязно. А потому выдумывает всякое. То вдруг нахмурится, сведет над переносицей красивые бархатистые брови, загрустит показательно, аж слезу на томный взор напустит. Екатерина, конечно же, заметит печаль его, погладит по головке, точно мальчика, внука своего.

– Отчего печален ты, Платоша, дитяtko? – осведомится с заботой.

– Вот у сестрицы нынче именины, а подарить ей нечего, – проскулит жалостливо фаворит, а сам шубы взглядом пожирает, язычком губы облизывает.

— Ну, вот возьми ей манто лисье, коли хочется тебе, — позволит ему Като снисходительно.

— А можно два? — спрашивает Платоша, не в силах удержаться жадности.

— Возьми два, три возьми, — Като только пожмет плечами и, сев за стол, углубится в подложенный ей писарем документ.

— Все ли ошибки мои поправил, Кузьма Захарыч? — спросит Екатерина у секретаря по-простому. — Ты помни, что хоть давно я живу в России, а все же приезжая сюда. Говорю верно, пишу с ошибками. Так ты не робей, Кузьма Захарыч, поправляй мне все, чтоб грамотно было, — просила она секретаря. — Что же иначе скажут обо мне? Просвещенная царица, а по-своему, по-русски с ошибками пишет. Негодно это!

— Все поправил, матушка, вот тут поправил, — докладывает секретарь. Так пока Като глядит на собственные огрехи в пенсне, Платоша, не долго думая, возьмет не три шубы, а все, что лежали, в охапку и с ними в собственные покои направляется. Через приемную императрицы несет, несколько не смущаясь. А уж если попадется ему граф Безбородко или князь Орлов по пути — Платоша не робеет, окинет их высокомерным взглядом, мол, знайте, кто нынче хозяин при дворце. Хитрый Безбородко поклонится юнцу, спину не бережет, вид сделает, что и не заметил ничего. Алехан же прыснет со смеху, что скоморох на базаре, без всякого стеснения, и только пыль двумя пальцами отряхнет с собствен-

ного камзола. Так вместе с пылью с камзола того бархатного брильянты дождем сыплются. Орлов-то уйдет, а Зубов шубы отнесет и вернется, подобрать камушки, пока иные не подобрали. И вовсе не зазорно ему. Что ж, было орловское время, набрали они богатства, теперь зубовское пришло. Эх, жалко, мало добра осталось, но мы и того не упустим. Нам к чему под Чесму лезть, подставлять свою красивую головушку под ядра? Мы и куртизанством без зазрения совести состояние сколотим. И еще кто посмеется последним – с годами видно будет.

Так раз за разом наносил себе Платоша соболей и лис столько, что никакой холод в пустынной приморской усадьбе был ему теперь не страшен. Частью в столице оставлял, не взял с собой, как бежал, а частью в усадьбу отправлял – вот теперь они и сгодились. Дует ли ветер с моря, валит ли снег горой, а Платоша разломает стул венецианский или столик какой – силушка-то, пленившая императрицу, осталась еще, – бросит их в печку, весело затрещит там творение мастеров Ренессанса. А Платоше и не жалко. Что ему Ренессанс, к чему он сдался, когда топить надобно комнатку для себя. Не поедет же он в ближайшую деревню дрова закупать, вдруг его там узнают, и к себе лишних людей звать не след. Хватит одной старухи Матрены полуслепой, которая ему хлеб да мясо просоленное, ломтями резанное, привозит. Она ж и постирает, коли нужда выйдет. Иногда и дров привезет, коли есть у нее. Платоше услуга ее дешево обходится,

в копейку всего лишь, к тому же старуха видит плохо, слышит тоже неважно. Ей барин – и барин, а кто таков, большого интереса не имеется.

Живет Матрена одна, вдово, на отшибе деревенском. Односельчане кличут ее «дурной», сумасшедшей то есть, и двор ее обходят стороной. А Платоше только того и нужно, что еще? Вот натопит Платоша комнатку, придвинет сундук к окну, наложит на него шуб царских, замотается в них и лежит, лузгает орешки из большого мешка, как белка, ждет гвардиолусов. Всю ночь не спит. Как заснешь, когда знаешь, что по ночам имеет гвардия обыкновение нагрянуть с расправой своей. Только когда затеплится рассвет в окошке за попоной, и свеча прогорит полностью, позволит Платоша себе задремать. Во сне видится ему корона алмазная на волнистых, припудренных локонах, горностаевая мантия на полных покатых плечах, отороченных золотым шитьем, белая рука, унизанная перстнями, протягивается к нему, выступая из белесого, холодного тумана вечности.

– Что еще хочешь, сынок? – слышит он порой пронзительно-скрипучий голос, совсем не похожий на голос Като. – Не задавился еще моими деньгами?

Снедаемый тревогой и страхом, он беспокойно ворочается на сундуке. А голос Като доносится до него неотвратимо. Теперь он уже мягче, в нем чувствуется глубокое огорчение, и обращены слова царицы не к нему, а к старому другу Александру Орлову:

– Ты в мою приемную погляди, Алексис, – жалуется царица. – Кого там только нет. Французские маркизы, валашские бояре, татарские ханы, наши православные иерархи, даже от турецкого султана беглые паши, и те ко мне в Петербург прибились. Магомет им не Магомет... Готовы отказаться от него ради денег. Все протекции ищут, патента, всем что-то от меня нужно, а главное – богатства. Устала я, Алексис. Все хотят погреться в лучах сияния моей державы, а сама я никому не нужна. Невестка Марья Федоровна волчицей глядит, только и ждет, когда я отправлюсь в мир иной, чтобы мое место занять, фавориты обобрали всю, скоро и самой надеть будет нечего в мороз, Платоша из моего гардероба все шубейки себе в дом переносил. Придется, Алехан, у тебя занять пальтецо, – и на склоне лет императрице не изменяло ее чувство юмора. – Сдашь ли в аренду матушке-царице какой салоп заваливающий, чтобы не простудилась она?

– Эх, Като, Като, – Алехан, не думая ни мгновения, сгреб царицу в объятия и, подняв на руки, вынес из-за стола. – Напрудила ты куртизанов, прохода от них нет. Только все они мелкота, полевки длиннохвостые. Толка с них никакого тебе нет. Не салоп – дворец отдам и не пожалею. Ты нас, Орловых, знаешь. Султана турецкого из его Стамбула выкурю пушками и на поводке к тебе приведу, вместе с гаремом для твоих куртизанов, только прикажи. Прогоняла ты нас, прогоняла, – он осторожно поставил царицу перед собой. – А все опять тебе Орловы надобны. Не грусти, Като, – он нахло-

нился и поцеловал плечо императрицы. — Богатство наше, орловское, от тебя, так что и считай, что твое оно. Сколько надо денег, дам без всякого спроса обратного, и на что потратишь, не поинтересуюсь.

— Веришь ли мне, Алексис? — Като прислонила к глазам кружевной платок и промокнула набежавшую слезу: — Дня не проходит, чтоб я о Григории не вспоминала. Никого так не любила, как его. Как себя кляла, что прогнала прочь, как он за фрейлиной Зиновьевой увязался, чтоб меня позлить. А я и повелась на его игру самолюбивую. Приказала на Зиновьевой той жениться, из России вон услала обоих. Думала, смогу забыть, смогу другого полюбить еще пуще. А молодость-то не повторяется, Алексис. И никто уж не станет меня любить, как Гришка, только за то, что я женщина и хороша лицом. Теперь во мне любят императрицу, и каждый желает пользоваться меня ради собственной выгоды, не более того...

Глава 4

Встреча с минувшим

Кошка соскочила с лавки и опрокинула пустую деревянную бадью. Та свалилась на крытый циновкой пол и глухо ударилась об него. Кошка с шипением спряталась за печку.

– Ах ты, недотепа, ах ты, уродина! – хозяйка дома, вздыхая и поругивая кошку, прошаркала башмаками, сплетенными из прутьев к скамье, наклонилась, подняла бадью и поставила ее на прежнее место. Потом распрямилась, поправив черный вдовый платок, закрывавший до бровей ее сухое, морщинистое лицо. – Вот побудишь барыню, а она и так намаялась, – упрекнула она кошку. Но та свернулась клубком, прижавшись спиной к теплой печной стенке, и уже мурлыкала во сне.

Анна открыла глаза. Она слышала, как упала бадья, но у нее не было сил даже пошевелиться. Она лежала на полотах, завернутая в толстый овечий тулуп. События предыдущей ночи вспоминались ей с трудом, обрывками. И нужно было приложить усилие, чтобы расположить их последовательно. Анна хорошо помнила, что вечером подъехала на санях к местечку Сизовражье, где сначала намеревалась остановиться на ночь. Но все помыслы Анны уже были сосредоточены на Петербурге, до него – рукой подать, ведь от Сизовражья, рус-

ского поселения недалеко от старинного ливонского городка Кюльта до столицы российской империи по хорошей морозной погоде меньше одного дня пути. В дороге она не раз воображала себе, как встретит ее Петербург. Ей почему-то очень хотелось въехать в родной город на рассвете, чтобы он был пустынным и тихим, каким она всегда любила его. По всем расчетам Анны, если бы она заночевала в Сизовражье, то такое ее желание трудно было бы осуществить. Тогда она приезжала в Петербург вечером. Потому она попросила кучера не останавливаться в Сизовражье, а ехать за двойную плату ночью. Тот нехотя согласился.

Передохнув на постоялом дворе с час, поменяли лошадей и двинулись в путь.

– Вы, княгиня, осторожны будьте, – предупредил Анну почтовый смотритель. – Здесь в лесах и зверя дикого полно, и народ блудный водится. Да и бураны ночные – не редкость. Сами понимаете, море близко. Ветры вольно гуляют. Куда вздумается – туда и дуют.

Анна согласно кивнула на предупреждение смотрителя, но значения его словам не придала. Петербург был совсем рядом, тоска и тревога об отце подгоняли ее вперед. Она очень надеялась, что все обойдется, и старалась не думать об опасности.

Сытые, отдохнувшие лошади несли весело. Погода стояла морозная, шлях был хорошо утоптан, ничто не предвещало беды. Анна дремала, завернувшись в медвежью шкуру, ям-

щик заунывно тянул себе под нос песню, позвякивали размеренно бубенцы.

Но уже через несколько часов стало заметно холоднее, надвинулись тучи, погода поменялась. Словно вырвавшись из-под земли, ураганный ветер согнул верхушки деревьев, ограждавших шлях. Он принесся с моря и сопровождался снежным бураном. Белые ледяные вихри завились над дорогой, полностью заслонив ее. Лошади не могли двигаться, они задыхались, и сани пришлось остановить. Конечно, теперь Анна понимала, что повела себя опрометчиво, приказав кучеру ехать ночью. Но она пережила столько опасностей в Берлине, что даже не представляла себе, что на территории России, всего в нескольких часах езды от Петербурга с ней может случиться несчастье.

Анна вышла из повозки, чтобы оглядеться вокруг, и ее мгновенно окружил снежный вихрь. Уже через мгновение она не видела ни саней, ни кучера, ни деревьев рядом с дорогой. Она шла, сама не ведая куда, проваливаясь по колено в снег. Ей казалось, что она идет по направлению к саням, на самом деле она уходила от них все дальше и дальше. Борьба с ледяным ветром изнурила ее. Снежная пыль набивалась в глаза, в ноздри. Анне было трудно дышать, ей не хватало воздуха. Голова кружилась, она теряла равновесие. Снег становился все глубже. С трудом преодолев несколько обледенелых насыпей, Анна упала без сил в огромный снежный сугроб и потеряла сознание.

Когда Анна очнулась, было уже утро. Она лежала в незнакомом ей крестьянском доме на лавке, совершенно нагая, прикрытая лишь холщовой простыней. Рядом с ней хлопотала пожилая женщина в черном вдовьем платке и длинной овечьей телогрее навыворот, надетой поверх черного суконного опашня с длинным рядом пуговичек от самого ворота, покрашенных киноварью. В комнате пахло травами. Анна ощутила терпкий запах репейника, жимолости, еще каких-то растений.

– Сейчас натру тебя, болезная, сейчас, – приговаривала женщина. Она придвинула к Анне еще одну лавку, поменьше, застелила ее цветастым платком. Потом прошаркала лаптями, надетыми поверх толстых вязаных ноговиц, к печке, вытащила из нее чугунок и, перехватив цветастым вышитым полотенцем, поднесла его к Анне. Поставила чугунок на лавку, сняла крышку. Терпкий запах трав стал ощутимее. Женщина обмакнула полотенце в травяном настое, потрясла его, чтобы остудить, и, откинув простыню, принялась растирать настоем замерзшее тело Анны. Анна почувствовала, как почти сразу внутри у нее потеплело, судороги отступили, она расслабилась.

– Кто же ходит по лесам в такое-то ненастье, – упрекнула ее женщина, – ведь засыпать могло с головой. Так бы и замерзла, никто бы не нашел. Хорошо, поехала я поутру до деревни, увидала тебя. А я ведь не каждый день езжу. Вот как Господь надоумил, сподобил сегодня пораньше сдвинуться.

Дай, думаю, отправлюсь к своячнице своей за моченой брусничкой да клюквой к пирогу. А то ведь и отложить могла, почитай цельную неделю к ней собираюсь...

– Так вы нашли меня в лесу? – Анна с трудом разомкнула губы, чтобы задать вопрос. Язык еще плохо слушался ее, зубы ломило от боли, а голос выходил хриловатым. – Как же я оказалась в лесу? – недоуменно пожала она плечами.

– А мне ж откуда знать? – усмехнулась женщина беззубым ртом, – я уж вижу, что ты не из здешних. Если по одежде судить, то вовсе из богатых ты, из благородных, – она прицокнула языком, – только если не хочешь мне говорить, то и не говори, – она снова принялась растирать Анну настоем, – мое дело-то какое, вот поправлю тебя малость, а там ступай, куда знаешь.

– Скажите, а далеко ли я теперь от Сизовражья? – спросила Анна обеспокоенно.

– Да почитай верст с двадцать, если напрямик через лес идти, – ответила ей женщина. – А в обход все тридцать будет.

– А где же мои сани, мой багаж? – продолжала спрашивать Анна, и тревога ее нарастала. Она приподнялась на локте и смотрела на женщину сверкающими от внутреннего жара синими глазами.

– Сани? Багаж? – женщина пожала плечами. – Ничего не видела я. Об одежде своей не беспокойся, – быстро добавила она. – Я платье твое просушить положила на печку и шубку туда же. Ничего не пропало, вот высохнет, и наденешь все. А

уж до багажа, милая, – она развела руками, – тут уж от кучера зависит. Ты на своих санях ехала али нанимала почтовые? – осведомилась она, отжимая полотенце на чугунком.

– Нанимала почтовые, – вздохнула Анна, прекрасно понимая, что осталась ни с чем.

– Ну, тогда пиши пропало, – заключила женщина, подтвердив ее догадку. – Кучер, как тебя потерял, небось и не охнул. Либо дальше поехал, либо вовсе назад вернулся, а то и сбежал быстренько. Вещиц-то много было при тебе?

– Да нет, один саквояж, – ответила Анна растерянно, – ценного особо ничего. Одежда, украшения. Ведь если на то пошло, то мне и за приют вам теперь заплатить нечем, – добавила она грустно. «Хорошо, что брошь графини Фосс положила не в саквояж, а на платье пристегнула, – похвалила она себя мысленно, но без особой радости. – Но ее в оплату не отдашь, и кольцо Жана тоже». Выходило, что только брошь да кольцо и остались у нее, а еще соболиное мантио и крест с образком на шее.

– У меня есть иконка с изумрудами, – проговорила она и приложила руку к груди, показывая на крест святого Пантелеймона-целителя. – Изумрудов в ней с десятков. Так что вы не сомневайтесь, – убеждала она женщину. – Я оставлю его вам в оплату, хлеб даром есть не стану.

– Ух ты, честная какая! Да уж, разве можно божеским расплачиваться, – упрекнула ее женщина. – Ничего мне от тебя, девочка, не нужно. Оправишься, просохнешь, отвезу тебя до

деревни, там, может, и о кучере своем что разознаешь.

— А до Петербурга можно ли будет нанять лошадь? — спросила Анна. — Мне в Петербург нужно. Меня там папенька ждет. Он болен очень.

— Ну, люди добрые кругом найдутся, — покачала головой женщина. — Попросишь, так и свезут. Особливо, если оплату пообещаешь. А я уж старая, с меня проку в том не будет, — предупредила она. — Вижу плохо, глаза попортила от долгой работы, да от слез выплакала все. Сколь уж лет одна на белом свете маюсь, — женщина накрыла Анну простыней, сверху постелила тулуп, — и давно бы уж помереть пора, а все не идет смерть. Смеется надо мной люд честной. Пора уж тебе, Матрена, говорят, отправляться вслед за муженьком своим да сынами. Никому ты не нужна, даже Бог тебя не берет. А уж сколько годов прошло, я и со счета сбилась, как проводила Ивана своего на царскую службу. Осталась одна с тремя сынами малыми. Не вернулся ко мне Иван. Попал служить он на флот и в баталии какой-то с нехристями, с басурманами этими сгинул, — она всхлипнула и закрыла лицо краем черного платка. — Ушел на дно, даже и мертвого его не повидала я напоследок. Мне ж за него только рубль серебряный прислали, как бы за храбрость отблагодарить. А что мне рубль? Мужа не заменит, сынов — тоже. Только память о них. — Она замолчала, потом продолжила, голос ее дрожал: — Как надела я по Ивану черный платок, так уж и не снимаю с той поры. Я все царицу-матушку спросить же-

лала, что же муж-то мой, коль храбрецом был, не заслужил большего, только рубль? Отчего после гибели его и сынов не пощадили, всех троих забрали в солдаты, как подросли. Я уж к губернатору ходила, в ноги падала. Супружницу его поджидала у театра во Пскове, ее молила пощадить меня, заступиться. «Хоть младшенького оставьте, на кого ж мне, сирой, опереться, – плакала перед ней на коленях. – Холостыми сыновья мои от меня уходят, внуков не оставили мне, родители уж давно в могиле. Куда податься? Как хозяйство вести». Никто не пожелал говорить со мной. Позвала губернаторша Салтыкова солдата, чтобы оттащил меня прочь от кареты. Так и ушли сынки мои один за другим. И все сгинули, – по морщинистой щеке женщины пробежала слеза. – Всех под басурмана положили. Так за них мне даже и рубля не прислали. А уж как местечки те, где сыновья мои лежат, прозываются, я не знаю, – она пожала плечами. – Все не нашенские какие-то названия, одно вроде Измаил. Это где младшенький погиб, а иные и еще раньше...

– Козлуджи, Фокшаны, Рымник, – произнесла Анна названия мест, у которых происходили сражения с турками.

– Да, вот верно ты сказала, как-то так оне и прозывались, – оживилась женщина. – Только мне ж вовек туда не добратъся, чтоб на их могилки хоть одним глазом посмотреть. Осталась одна-одинешенька солдатка Матрена, людям на забаву, – она вздохнула, потом встала со скамьи и направилась в красный угол, где висели иконы, тускло освещенные лампа-

дой. – Я тебе рубль серебряный сейчас покажу, – объяснила она. – Он единственное мое богатство и об сынках память. Помирать стану, попрошу, чтоб в гроб со мной положили.

Матрена покрестилась на икону, поклонилась, потом встала на цыпочки и сняла с образа потемневшую от времени монету, обвязанную красной ленточкой. Держа перед собой на ладони, как великую ценность, поднесла ее Анне. Взглянув на монету, Анна увидела изображение императрицы Екатерины Алексеевны, а внизу надпись по латыни – «Чесма». И год сражения – 1773. Больше тридцати лет назад.

– Так ваш супруг погиб под Чесмой? – Анна не на шутку разволновалась. Прижав тулуп к груди, она привстала на лавке и отбросила спутанные волосы с лица. – В сражении при Чесме? – переспросила она.

– Верно и так, – Матрена пожала плечами. – Я грамоте не обучена, читать не умею. Тут написано на монетке, где, мне так поп в церкви сказывал.

– При Чесме, – Анна покачала головой, – вот как бы подумать такое? Я тут у вас, а ваш муж был матросом при Чесме и погиб там?! – воскликнула она.

– Ну да, – Матрена в недоумении пожала плечами. – А что с того? – спросила она обеспокоенно. – Там что-то дурное было, при Чесме-то, что ж, не герой мой Иван? – теперь уж разволновалась она. – Ничего мне поп о том не говорил.

– Нет, нет, – поспешила успокоить ее Анна. – Все, кто дрались при Чесме, – герои, а кто погиб – вдвойне. Это было

великое сражение. Только я еще не сказала вам, кто я такая, — она виновато улыбнулась. — Я Анна Орлова-Чесменская, дочь адмирала Алексея Орлова, который тогда командовал русской эскадрой. И папенька мой, который ждет меня в Петербурге, он и есть Алексей Орлов.

— Вот как! — женщина всплеснула руками, чесменский рубль выскользнул у нее и упал на пол. Наклонившись, она поспешно подняла его. — Дочка адмирала? Как же тебя занесло-то к нам? — она взяла огарок сальной свечи, горевший в медной подставке, и поднесла его ближе, чтобы рассмотреть Анну. — Верно говоришь, чудно, — согласилась она. — Сколько раз ходила я в церковь, ставила за упокой Ивановой души свечку, все просила, чтоб какую восточку подал мне ненаглядный мой, что, мол, помнит обо мне. Может, и заберет меня к себе, зажилась совсем, опостылело все мне на земле. А он все молчал. Даже во сне ни разочка мне не явился. Я уж думала, осерчал за что. А тут, на тебе. Ниспослал господь встречу, адмиральская дочка появилась. Мне теперь и помереть можно. Так и верю я, сам Иван тебя ко мне прислал. Вот для чего так долго он меня на земле держал, чтоб я дочери его адмирала помогла.

— Вы мне помогли, а я вам помогу, — Анна взяла из рук женщины Чесменскую монету и долго смотрела на нее. — Когда мой отец разгромил турок под Чесмой, — произнесла она задумчиво, — меня еще на свете не было. Что же вы Салтыковым кланялись, — бросила она на женщину взгляд. — Надо

было адмирала Орлова просить о заступничестве. Батюшка мой многих матросов своих помнит поименно. Я помню, к нам в Кузьминки, имение под Москвой, приходили женщины, которые потеряли мужей и сыновей при Чесме, молили о помощи князя. Били их помещики, обирали шибко. Малолетних детей отбирали от матерей. Так князь Орлов никогда в стороне не оставался. За большие деньги выкупал такие семьи и селил у себя на землях, где уж им жилось добро.

– Знала бы, попросила бы попа написать князю челобитную, – вздохнула Матрена. – Так я даже и имени его не ведала. А кто ж подскажет мне? Я же в молодости, веришь ли, по деревне первой красавицей была. И Иван, завидный жених, мне достался. Собою красив, меня любил, не бил, ласкал только. Сколько баб мне завидовало. Так я думаю, навели они на меня порчу. А как разрушилась вся жизнь моя, обозвали невезухой и спровадили на отшиб деревни, чтоб глаза не мозолила.

– Кто же помещик здесь у вас? – спросила Анна, возвращая Чесменский рубль хозяйке.

– Бывший государев секунд-майор Полянский с супружницей, – ответила Матрена, вытирая платком влажные от слез щеки, – я в былые времена у него при доме убиралась. Так секунд-майор как напьется вина, все начинал приставать ко мне в сенях. Я же, как об Иване горькую весть получила, зареклась, ни на кого не взгляну, всю жизнь верность ему сохраню. Еще надеялась, что сыновья мне опорой станут. А

секунд-майор отказа моего терпеть не стал. Приказал сечь немилосердно, вот оттого хромаю я теперь, что всю спину мне отбили на порке его. Знать уж не могу наверняка, – Матрена всхлипнула. – Куда мне, но чует мое сердце, постарался барин наш, чтоб моих сынов без разбора забирали. Ездил к Салтыкову, обозвал Ивана моего разбойником. Чего ж не наклевещешь, коли управы не боишься, – она вздохнула. – А от бабы слабосильной какая управа. Вот и погубил всех, а меня прогнал из дома. Теперь уж сам старый, как и я. Говорят, с постели не встает, всем его молодая женка правит. Да я уж ее не видала. Обо мне она не помнит, мне ж и легче.

– Не помнит, так вспомнит, – пообещала Анна, – как супружника вашего фамилия была? – спросила она у Матрены.

– Лопатин. Иван Ловатин, – ответила та настороженно. – Я, стало быть, Лопатина Матрена, Михайловна по батюшке.

– А если я вас, Матрена Михайловна, из здешних мест заберу и с собой в Петербург позову, поедете? – спросила Анна как можно мягче. – Или жаль оставлять родные места?

– Какие же они мне родные? – грустно улыбнулась Матрена. – Давно уж хуже вражьих стали. Только не поверю я, что охота вам, барыня, нянчиться со мной. Что вам до горя моего? Только одна забота лишняя. Посочувствовали – и на том спасибо. Да и не отпустит меня секунд-майор, а уж женка его молодая тем более. Хоть и старая я, проку с меня нет, а цену заломят, из вредности.

– Меня цена не пугает, – откликнулась Анна, – более то-

го, я и долго разговаривать с ними не стану. Сколько за детей и стариков помещики просят, меня не проведешь. Отпишу полицмейстеру записку, чтоб не разыскивал, да забереу даром. Супротив князя Орлова полицмейстер не пойдет. А у меня в Петербурге для вас, Матрена Михайловна, дружок имеется, – добавила она загадочно. – Вы ж, наверное, желаете узнать, как погиб Иван ваш, каков он был на службе. Неужто не желаете? – спросила она лукаво.

– Больше всего иного желаю, – старуха даже привстала со скамьи. – Но кто ж мне расскажет?

– Камердинер моего отца Егор Кузьмич, – ответила Анна с улыбкой, – он на эскадре при папеньке посыльным служил. На всех кораблях бывал, всех матросов знал наперечет. Я уверена, что знает он и Ивана Лопатина. Вот расскажет вам, как они время коротали перед сражением.

– Анна Алексеевна, благодетельница моя, – старуха рухнула на колени перед Анной и прижала руку ее к губам. – Вот услышал господь мою молитву, прислал заступницу. Да я хоть босиком по снегу, на край света за тобой пойду...

– Ну для того нужды у нас не приспееет, – Анна ласково подняла ее и усадила рядом с собой, – вот просохнет одежда моя, так сразу отправлюсь я в деревню, поищу там добровольца, кто за меховое манто мое из соболя мне повозку с лошадыю уступит, чтоб до Петербурга добраться. Поеду в вашем тулупе, Матрена Михайловна, уж не обессудьте, – усмехнулась она. – А пока собирайтесь вы. Долго ли соби-

раться станете?

– В чем одета, в том и тронусь, – уверила ее старуха, – только скарб кое-какой возьму, да кошку Машку, если можно. А добро все свое оставлю своячнице. Одна она меня жалела, всем супротив, пусть даром и берет. Может, она взамен лошаденку и даст с санями крытыми. Хотя очень сумлеваюсь я, – Матрена покачала головой, – в крестьянской жизни лошаденка – первое богатство. А на моей лошадке далеко не уедешь, старая она да слепая, как и я. Да и сани развалюха, на них только дрова и возить.

– Так я же родственнице вашей манто оставлю, – напомнила Анна. – Она за такое манто себе трех лошадей купит, – и тут же спросила: – А что, сами Полянские далеко ли живут? Может, мне к ним нанести визит, у них экипаж получше найдется, да и о вас, Матрена Михайловна, сразу бы дело решили.

– Полянские далеко, – вздохнула старуха Лопатина, – мы у них самые отсталые, потому они про нас вспоминают, когда часть хлеба да сено надо им нести на двор. Верст с десять до их имения будет, дорога туда полевая летом ведет, а нынче и вовсе позаметало все.

– А что же, иных каких помещиков, соседских, не живет поблизости? – спросила озабоченно Анна.

– Были недалеко. У самого моря на песке дом их стоял, не нашенские, с иноземной фамилией. Но уехали, бросили свой дом. Осталась в последние годы там старая экономка их, мо-

их лет, верно, но и она умерла недавно. А теперь какой-то родственник дальний поселился. Зовется мудрено, – Матрена поправила платок. – Язык сломаешь, но ни за что не выговоришь фамилие евоное. Я ему время от времени продукты с хозяйства своего вожу, ну, вот хлеба испеку, каши какой в деревянной ладке. Опять же, и постирать просит. Свою прислугу не заводит. Станный очень барин, – Матрена покачала головой. – Все бегают по дому, озирается. В одной комнатке под самой крышей засел и не высовывается оттуда. Словно боится кого-то. Но, видать, прежде очень богатый был, белье у него все шелковое, фигуркой царского орла помечено. Вот опять вчера порты свои всучил, – пожаловалась она, – так ты, матушка, Анна Алексеевна, поспи покуда на печке у меня, отогрейся как следует, а я еду сготовлю, покормлю тебя, а там уж и решим, к кому тронуться, к Полянским или к странному барину тому наведаться, может, он что подскажет. Заодно и порты ему отдам. Пускай уж сам сушит. У меня места нет.

– А экипаж есть у него? – спросила Анна, раздумывая. – Как же он приехал на взморье?

– Нет у него экипажа. Если куда его подвезти надо, так я на дровнях своих его везу. А приехал он, как вы, на почтовой упряжке. Я вот так на него гляжу, то ли недуг какой его тайный гложет, то ли совесть, но уж больно беспокоен он. Бес в нутрях сидит и точит, точит его. Вроде и не старый он еще, годами-то, но на лицо – глубокий старик. Волосы как

лунь белы, до плеч длинными носит их, все лицо в язвах, заживленных, верно. Глазищи сверкают. По молодости, видать, красавчик был, но больно уж дурен сделался. Ну, вставай, вставай, я тебя до печки провожу. Полежи, отдохни, — старуха помогла Анне подняться с лавки и довела ее до полатей. — Угощение у меня небогатое, все больше каша ячменная да хлеба ржаного ломоть, — оправдывалась она. — Ты ж к такой еде не привыкшая, но все голодной не оставлю. Вот еще рыжики моченые в бочке в погребе остались, — вспомнила она, — сама в лесу собирала.

— Вы об еде для меня шибко не хлопочите, — скромно остановила ее Анна, — чем богаты, тому и рада буду. Мне и кусочка калача моченого достаточно, не балованная я.

— Как же так? — старуха в удивлении повернулась к ней. — Адмиральская дочка и не балованная? У нашего барина, хоть он и не адмирал, а всего лишь секунд-майор, две девицы таковы нутром, что и врагу не пожелаешь. Бывало, как заведут с утра капризы свои, чего подать да принести, до самого полудня все поручения их не переделаешь. А довольны никогда не бывали, еще тумака дадут, прямо так под зад туфлей, вроде как и не барыни, а сами холопки, а то еще и похуже холопов будут. Слава богу, нынче переотдавал их секунд-майор замуж, съехали они от нас, в других местах капризничают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.